

Интервью с Томихай Тамарой Хинчевной

Проект «Российское китаеведение – устная история»

Interview with Tamara Kh. Tomikhai

“Russian Sinology – Oral History” Project

Томихай Тамара Хинчевна Китаевед, к.ф.н. (литература)	Tamara Kh. Tomikhai Sinologist, PhD (Literature)
Дата интервью: 12 апреля 2021 г	Date: April 12, 2021
Место: Санкт-Петербург-Москва (дистанционно через Zoom)	Place: S.-Petersburg-Moscow (remote, via Zoom)
Вёл интервью: Головачёв В.Ц.	Hosted by: Valentin Golovachev
Видеозапись интервью: Моева Д.	Video, recording: Darya Moyeva
Редактирование: Головачёв В.Ц., Русанова М.А.	Editing: Valentin Golovachev, Marina Rusanova
Продолжительность: 4 ч.	Duration: 4 hours
Объём: 3 п.л.	Volume: 69 pages

Томихай Тамара Хинчевна (1939 г.р.). г. Еленск, Донецкая обл. Китаевед-филолог, литературовед. К.ф.н. (25.01.1981. Защита в ИВ АН СССР. Окончила востфак ЛГУ (1964) и аспирантуру при ЛО ИВ АН СССР. Преподаватель востфака ДВГУ (1964–1986). Преподавала кит. язык для сотрудников Эрмитажа, в Международной школе при Российском Государственном университете им. Герцена (кафедра вост. языков). Проживает в СПб. Тема канд. дис.: Поэтическое творчество Юй Синя (VI в.). ИВ АН СССР (Автореферат 1978). Основные труды: Томихай Т.Х. К вопросу о роли традиций в средневековой кит поэзии; природа, кит поэзия в эпоху Юань (Ни Цзань), омонимия как прием иносказания. Хрестоматия по древней и средневековой литературе Китая, 1980, 100 с.; Томихай Т.Х. Юй Синь: китайский поэт VI в. М.: Наука, 1988. 107 с.; Томихай Т.Х. В сердце моем осени свет. СПб.: Свое издательство, 2016. 352 с.; 2-е издание: издательство Политехнического университета им. Петра Великого, 2017. 352 с.

ВГ: Здравствуйте, дорогая и уважаемая Тамара Хинчевна!

ТТ: Здравствуйте!

ВГ: Для нас большая честь – записать сегодняшнюю беседу, поговорить о вашей жизни и работе, о ваших коллегах, – обо всём! Мы рады, что вы присоединились к нашему проекту!

ТТ: Я очень признательна, что есть такая возможность – увидеться с вами, поделиться своим опытом, рассказать о своих учителях. Преподаватели, ученики, друзья, недруги, – все они меня формировали...

ВГ: Прежде всего, прошу вас представить себя для всей аудитории нашего проекта. Что вы обычно отвечаете на вопросы о том, кто вы и кем работаете?

ТТ: Меня зовут Тамара Хинчевна Томихай. Я никогда не думала о том, как меня воспринимают, представляют. Томихай! И внуки тоже называют меня «Томихай», по фамилии.

ВГ: Тогда сразу возникает вопрос о происхождении такой необычной фамилии. Что это за фамилия?

ТТ: Мой папа родом из Шаньдуна, из тех мест, где родился Конфуций. Вместе с огромной партией молодых китайцев он был отправлен на работу в Россию и таким образом оказался в России. Я точно не помню, какой это был год. Но он не знал русского языка, а принимавшие его люди записали его имя так: Томихай.

ВГ: Как звали вашего отца? Ваше отчество – Хинчевна, а как его имя?

У папы два имени было. Первое его имя содержит слово «море» – Чжан Минхай, а иероглифы такие: 张明海. Это естественно, ведь море там совсем недалеко. Вот таким образом я оказалась Томихай! А второе имя – Хинч. Так оно было записано в паспорте. Поэтому мои сестрички все – Ивановны, а я осталась Томихай – единственная, папина дочка.

ВГ: Не Ивановна, а Хинчевна?

ТТ: Да, как у него в паспорте. Ну какая же я Ивановна?! Хотя, по-видимому, имею на это право, потому что моя мама – русская.

ВГ: Как звали вашу маму? Кто она, родом откуда?

ТТ: Мама, Екатерина Леонтьевна, была родом из Белоруссии. Мамочка моя – неграмотная деревенская женщина, а папа – «дворянского» происхождения. Вот такая ситуация.

ВГ: Когда и как они познакомились?

ТТ: Дело в том, что огромную партию этих молодых китайцев – будущих рабочих – отправили на Кольский полуостров, в рудники. Работа в рудниках была слишком тяжёлой, очень много китайцев не выдерживали условий северного климата, питания, поэтому умирало их очень много. А моего будущего папу, когда он заболел, отправили вместе с другими тяжело больными на большую землю. Таким образом он выжил, затем оказался в Белоруссии, где и познакомился с моей будущей мамой.

ВГ: Какой была девичья фамилия вашей мамы? И как они познакомились?

ТТ: Вот этого я не знаю! Все её всё время звали «Томихай», а как они познакомились – об этом мама никогда не рассказывала.

ВГ: Как получилось, что вы родились в городе Еленск Донецкой области? Ведь это далеко и от Белоруссии, и от Китая, и от Кольского полуострова.

ТТ: Да, далеко. Дело в том, что папа и мама бывали с нами достаточно редко и, по крайней мере, на такие темы не говорили. После Донецкой области, после войны уже, мы отправились на родину мамы, поближе к ней, в Гомель, потому что мама была родом из-под Гомеля. Мы там остановились и снимали домик у одной литовской семьи. Они построили себе дом на сваях, на берегу, недалеко от реки Сож, а мы снимали их старый полуподвальный домик. Мама с папой почти и не виделись с нами, потому что в этом маленьком домике могли разместиться только четыре девочки, [я] и три моих сестры. Там у нас была даже не кровать, а настил деревянный. И ещё была русская печка, на которой помещалось тоже две девочки. Там было тепло. Я помню ещё очень интересный момент: каждую весну река Сож разливалась, мгновенно затапливала всё вокруг, и тогда детей отвозили в школу на лодках. И ещё один связанный с этим эпизод в памяти остался. Хозяйка, у которой мы снимали этот домик, жила во дворе. Увидев, что вода заполняет дом (или мы об этом сказали), она ухватом из печки извлекала чугушки свои. Она готовила у нас, потому что в ее прекрасном новом доме была плита, а не печка... Ну, а когда вода спадала, мы возвращались в этот полуподвальный домик и жили там. Потом кто-то из папиных друзей позвал его в Богушевск, где якобы можно было найти работу получше, снять более хороший домик или квартиру. И мы переехали... Я жила со 2-го по 10-й класс в Богушевске, между Витебском и Оршей. В Белоруссии. И школу заканчивала белорусскую.

ВГ: У ваших родителей было четверо детей? Вы сказали, что у вас было три сестры...

ТТ: Да.

ВГ: И все были младшие?

ТТ: Нет, все они были старше меня, я – самая младшая. И когда речь зашла о моём поступлении в университет, чтобы изучать китайский язык, папа сказал: «Не женское это дело, это очень трудно!» Но, по-моему, в душе он был рад. А когда после первого курса я вернулась домой и поговорила с ним по-китайски, я видела, что он счастлив!

ВГ: Сильно ли повлиял на ваше самосознание, самовосприятие и картину мира ваш отец-китаец?

ТТ: Я бы не сказала, что сильно. По крайней мере, отец никаким образом не повлиял на мой выбор поступления в Ленинградский университет на восточный факультет. Не он, а мои учителя повлияли.

ВГ: Школьные учителя?

ТТ: Да, школьные. Я очень любила русскую литературу. Наш преподаватель русской литературы Степан Семёнович Яковлев был очень похож на Маяковского. После последнего экзамена он спрашивает: «Ну, куда ты решила поступать?» Я говорю: «На филологию, русское отделение». Он сказал: «Ни в коем случае! Если ты поступаешь, то нужно выбрать то, чем ты сама не сможешь овладеть. А русскую литературу – ради Бога, читай всю жизнь!» Так я и делаю, да. И тогда я решила так: «Хорошо, Степан Семёнович, тогда я выберу самый трудный в мире язык – китайский». Так что, на мой выбор повлиял не папа, а Степан Семёнович Яковлев...

ВГ: Наверное, вы неслучайно выбрали китайский язык, голос крови всё же был какой-то?

ТТ: Наверное. Я уже сказала, что папа с нами особо не общался, потому что там, где мы жили, всем поместиться было нельзя. Конечно, это не прошло бесследно. О нашем папе, о том, кто он такой и где жил, я больше слышала от старшей сестрички. Поэтому я знала, что он «дворянского рода». А теперь я узнала, что и я «дворянского рода» – судя по подагре, этой болезнью страдали в основном аристократы.

ВГ: Как вы представляли себе Китай тогда, перед поступлением на востфак?

ТТ: Я была как-то очень спокойна. В школе я училась неплохо, потому что мне выдали медаль. Я сейчас думаю – это плохо, потому что я относилась одинаково ко всем предметам – с любовью, очень спокойно и ровно. Так не должно быть! И в университете у меня было некое возвышенное отношение к учителю. Я просто продолжала относиться к учёбе как в школе: китайский – значит, китайский! Тем более, что мне нравилось произношение китайское. Занятия по разговорному китайскому языку вёл *Спешнев Николай Алексеевич*¹. Он 16 лет жил в Китае, и о нём говорили, что он китайский знает

¹ *Спешнев Николай Алексеевич* (1931–2011). Китаевед, переводчик, д.ф.н. (1987). Профессор (1989), почёт. профессор СПбГУ. Род. и прожил первые 16 лет в Пекине.

лучше, чем сами китайцы. А что касается моих университетских учителей, то это были *Татьяна Александровна Малиновская*², *Сергей Евгеньевич Яхонтов*³. Я тогда, даже будучи маленькой (я ведь поступала в Университет в школьной форме, правда, без передника), воспринимала Малиновскую и Яхонтова как детей! Малиновская – как ангелочек, а Сергей Евгеньевич до конца остался для меня эталоном учителя, эталоном человека. Между прочим, намного позже, когда открылась граница, Ленинградский университет послал Яхонтова в Сингапур. Он возвращался, когда я уже работала во Владивостоке, где мы встретились с Сергеем Евгеньевичем. Он вёз огромный багаж – коллекцию книг. При этом сам был очень худой – даже не знаю, что и как он ел! Но он вёз в Ленинград книжки, он точно знал и помнил, кому какая нужна. Вот такой был Сергей Евгеньевич!

ВГ: Все китаеведы очень уважают и ценят его. Вы сказали, что получили за учёбу в школе медаль. Какая это была медаль?

ТТ: Серебряная.

ВГ: Она помогла вам при поступлении?

ТТ: Наверное. Я училась в Богусhevске, это совсем маленький городок. Там две школы всего лишь было. В школе у меня была любимая подружка, Зиночка Аквицкая. Она не знала ни физику, ни алгебру, ни географию, а о Китае вообще ничего не знала. Но она – удивительный человек! Я тогда на экзаменах решила задачу по алгебре и передала ей решение, а учитель это заметил и сказал: «Вот тебе будет наказание – за экзамен ты сама получишь «4», а не «5»! Ты наказана!» Я не возражала, главное, что Зиночка моя сдала экзамен! Она стала после школы то ли молочницей, то ли дояркой в своей деревне. Но она была очень хорошей, просто чудесным человеком!.. Так что, медаль у меня была серебряной, и слава Богу, на золотую я никак не тянула.

ВГ: В каком году вы окончили школу и поступили?

Окончил востфак ЛГУ (1957). Преподаватель ЛГУ (с 1957). Иссл. кит. яз., кит. лит-ру, этнопсихологию китайцев.

2 *Малиновская Татьяна Александровна* (1922–2014). Китаевед, к.ф.н. (1970), доцент (1972). Окончила востфак ЛГУ (1950). Преподаватель каф. кит. филологии (с 1950). Изучала историю классич. драмы эпох Мин и Цин, творчество драматурга XVII в. Хун Шэна, тему изучения рус. и сов. литературы в Китае, соврем. худож. лит-ру Китая. Составитель двух сборников кит. новеллы 20-30-х гг. XX в. Автор монографии «Очерки по истории минской драмы». Соавтор «Истории китайской литературы» (издание ИВ АН СССР). Автор переводов классич. кит. лит-ры: Бай Цу, Хун Шэна (Дворец долголетия), Кун Шан-жэня (Веер с цветами персика), кит. сказок, рассказов соврем. кит. литераторов: Цзэн Хуа (Цзюй Ин), Цзун Пу (Хундоу), Хуан Лу-инь (Поникший цветок груши).

3 *Яхонтов Сергей Евгеньевич* (1926–2018). Китаевед, к.ф.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Преподаватель ЛГУ/СПбГУ (с 1954). Иссл. лингвистики и ист. языкознания в Китае.

ТТ: В 1957 году. И тогда же я поступила на восточный факультет университета.

ВГ: Как же вы решились поехать из деревни в большой город, в Ленинград? Наверное, в одиночку поехали?

ТТ: Я очень любила этот город, и знаете почему? Город революции! Я выбрала именно этот город, город революции. И он меня поразил. А когда я расставалась с ним после окончания университета, то была такая душевная сердечная боль, как при расставании с человеком. Но потом получилось так, что я вернулась в этот город.

ВГ: Трудно ли было поступать на востфак?

ТТ: По-моему, у меня только один экзамен был.

ВГ: Из-за медали?

ТТ: Да. Из-за медали. И тогда на китайское отделение принимали девочек (на арабское отделение нельзя было, из-за будущей работы), поэтому я оказалась в числе поступивших.

ВГ: Сколько девушек приняли на ваше отделение в 1957 году?

ТТ: Пять девочек приняли на китайское отделение. Тогда набирали человек 50 на весь факультет, на разные отделения: китайское, корейское, японское, арабское и т.д. У нас было семь человек: пять девочек и два мальчика – *Бродянский*⁴ и ещё один, Егор Сидоров. Два мальчика было у нас на китайском отделении.

ВГ: Про мальчика Бродянского, надеюсь, мы с вами поговорим ещё! А кто-то из девушек, кроме вас, стал китаеведом в дальнейшем?

ТТ: К сожалению, нет. Саша Побоква всё время ходила с текстом, и ко всем приставала: скажите значение иероглифа! И когда я встретилась с ней, будучи в командировке в Ленинграде, Саша помнила только «ни хао» (здравствуйте). А «цзай цзянь» (до свидания) она уже не знала – забыла. Жанна Яшимбекова стала, по-моему, художником, вышла замуж за художника. Светлана Горобей вернулась в Среднюю Азию. Она тяжело заболела, вот такое с ней случилось. Судьбу Егора я не знаю.

ВГ: Значит, из девушек лишь вы остались верны своей специальности.

ТТ: Да, оказалось так. Но зато меня боженька наградил: все, с кем я работала, занималась, никто из них не расстался с китайским. Никто! Настолько были влюблены в это чудо, в эту трудность, сложность. Это не только чудо – это невероятный труд!

ВГ: Кто преподавал вам на востфаке, кроме Малиновской и Яхонтова?

⁴ *Бродянский Давид Лазаревич* (1936–2017). Востоковед, китаевед, археолог, д.и.н. (1995), профессор (1995). Окончил востфак ЛГУ (1962). Преподаватель востфака (1962–1985) и истфака ДВГУ/ДВФУ. Спец. по первобытной археологии юга Дальнего Востока.

ТТ: Думаю, я счастливый человек благодаря тем, с кем встретила за свою жизнь, начиная с моих учителей и в школе. Я помню Надежду Александровну Барановскую, учительницу первого класса. А в университете – Малиновская, Яхонтов, *Виктор Васильевич Петров*⁵, Евгений Александрович *Серебряков*⁶, *Людмила Григорьевна Казакова*⁷. Она ещё жива, звонит мне каждый день. Я поступала на кафедру истории Дальнего Востока, которой заведовал *Ефимов Геронтий Валентинович*⁸. *Георгий Яковлевич Смолин*⁹ и *Борис Михайлович Новиков*¹⁰ до недавнего времени ещё там работали... *Борис Григорьевич Доронин*¹¹, по-моему, совсем недавно ушёл из жизни.

ВГ: Позвольте всё же повторить вопрос: как складывались ваши личные отношения с китайским языком? Трудно ли было учить его?

ТТ: Было очень трудно! Мы с Татьяной Александровной Малиновской (нам можно только позавидовать) читали танскую новеллу (VIII в.)¹². С Петровым, Яхонтовым и с Серебряковым мы читали тексты нового времени. Казакова у нас тоже вела разговорный язык, а потом уехала в Китай. Я очень любила разговорный! Спешнев замечательно отработывал произношение у нас! Но, к сожалению, как я выяснила, придя на работу после окончания университета,

5 *Петров Виктор Васильевич* (1929–1987). Преподаватель востфака ЛГУ (1951–1987). Член Союза писателей СССР (с 1957). Стажёр в КНР (1959–1960). Член бюро Вост. комиссии ГО СССР (1975–1985), издано около 100 работ.

6 *Серебряков Евгений Александрович* (1928–2013). Китаевед, д.ф.н. (1973), профессор (с 1974). Преподаватель, завкафедрой кит. филологии востфака ЛГУ (1960–1997). Переводчик классической литературы.

⁷ *Казакова Людмила Григорьевна* – китаевед, преподаватель ЛГУ.

8 *Ефимов Геронтий Валентинович* (1906–1980). Китаевед-историк, д.и.н. (1955), профессор (1958). Окончил ЛИФЛИ (1932). Преподаватель ЛГУ (с 1949). Автор трудов по новой и новейшей истории Китая.

9 *Смолин Георгий Яковлевич* (1930–2011). Китаевед, д.и.н. (1971), профессор (1976). Сотрудник Биб-ки АН СССР (1953–1962), преподаватель востфака ЛГУ/СПбГУ (1962–2011). Завкафедрой ист. стран Д. Востока (1981–1997). Окончил востфак ЛГУ (1953). Спец. по средневеков. ист. Китая.

10 *Новиков Борис Михайлович* (1929–2021). Китаевед, к.и.н. (1976), доцент каф. ист. стран Д. Востока востфака СПбГУ. Окончил востфак ЛГУ (1952). Спец. по новой ист. Китая.

11 *Доронин Борис Григорьевич* (1928–2020). Китаевед, д.и.н. (1993), профессор (1995). Преподаватель каф. ист. стран Д. Востока востфака СПбГУ. Иссл. источниковед. и историогр. Китая в эпоху Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912).

12 *Танская новелла* – особый этап в истории кит. литературы, которая легла в основу всей повеств. и драмат. литературы Китая: фантастической, любовно-бытовой, историко-героической и сатирической. Для танских новеллистов характерно жизнеутверждение, воспевание действия, инициативы, героики, призыв к борьбе со всем, что сковывает духовные силы человека. Наиболее известные авторы танских новелл (Юань Чжэнь, Бо Син-цзянь, Ли Гун-цзо, Чэнь Хун) были непосредственно связаны с «Движением за возрождение древности».

материала, который Николай Алексеевич Спешнев нам дал, хватало всего на два месяца, его текстов было недостаточно, он много шутил на уроках, к сожалению, на русском языке. Но, всё равно, то, что он дал – это была солидная основа, база. И мне очень нравилось. Не скажу, что была безумно влюблена в занятия, но очень нравилось. Мне даже, скорее, больше нравились учителя и преподаватели, нежели сами предметы. Это потом, попозже, я была влюблена в китайский язык, поэзию, искусство. А влияние на мою дальнейшую судьбу как китаиста, китаевода, оказало, скорее, Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук (ЛО ИВ АН). Моим большим Учителем был *Лев Николаевич Меньшиков*¹³. Он очень много рассказывал, и когда я поступила в аспирантуру, Лев Николаевич особенно часто и много помогал, тексты смотрел. Но он говорил: «Если хочешь освоить язык, не надо ни у кого спрашивать. Ты лучше сама найди в словаре, тогда запомнится лучше, надежнее!» Весь этот институт оказал на меня необыкновенное влияние: *Евгений Иванович Кычанов*¹⁴, японисты, другие отделы...

ВГ: Но это было уже в годы аспирантской учёбы?

ТТ: Да.

ВГ: Почему вы стали литературоведом? Что повлияло на этот выбор?

ТТ: Повлияла будущая жизнь. Когда я стала преподавать во Владивостоке, там все отказались от древности, быстренько расхватывали другие периоды. А я позже поняла, что счастлива тем, что не нужно зависеть от политического ветра, как, например, заведующая *Болотина*¹⁵. Её диссертация по творчеству *Лао Шэ*¹⁶ не прошла, через неделю – новый вариант диссертации! Я спрашиваю: «Ольга Петровна, как это вы успели так быстро переделать? Ведь необходимо как минимум три года писать! Она ответила: «У меня и третий вариант есть, если понадобится». А мне тоже приходилось

13 *Меньшиков Лев Николаевич* (1926–2005) — Китаевед, историк и литературовед, д.ф.н. (1976), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Спец. по кит. драме, издатель и интерпретатор традиц. кит. текстов (в т.ч. рукописей из Дуньхуан. фонда и коллекции Хара-Хото). Почёт. член Дуньхуан. акад. КНР (1999). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1955).

14 *Кычанов Евгений Иванович* (1932–2013). Востоковед, д.и.н. (1970). Почёт. профессор ун-та Инчунь (1995). Сотрудник (с 1958), директор (1996–2003) ЛО ИВ АН / ИВР РАН. Окончил востфак ЛГУ (1955). Иссл. ист. тангутов, среднев. право.

15 *Болотина (Крамер) Ольга Петровна* (1945–2011). Китаевед, литературовед, к.ф.н. (1978), доцент (1982). Профессор, декан Вост. ин-та ДВГТУ (с 1999). Окончила востфак ДВГУ (1969), асп-ру ИДВ АН СССР. Преподаватель востфака ДВГУ (с нач. 1970-х).

16 *Лао Шэ* 老舍 (наст. имя Шу Цин-чунь 舒慶春, 1899–1966). Писатель-прозаик, драматург, публицист, известный реалистической и сатирической прозой. Один из ведущих мастеров национальной литературы. Имел маньчжурское происхождение. Погиб в годы «культурной революции».

менять тему. Уже будучи во Владивостоке, когда я начала преподавать, нужно было знать этот материал. Поэтому я переключила внимание на историю древней и средневековой китайской литературы, на древнекитайский язык, который мы в Ленинграде начали изучать. И я поступила в аспирантуру по китайской классической поэзии. Так что моё отношение к работе и ответственность заставили меня изменить тему. Мне пришлось переквалифицироваться и сдавать экзамены в Институте мировой литературы в Москве. Ещё *Владимир Иванович Семанов*¹⁷ пошутил, когда я сказала, что к экзамену прочитала лекции по эстетике *Гегеля*¹⁸. Он сказал: «Обычно цитату Гегеля берут из других сочинений и вставляют в свои тексты, а ты ненормальная!» А мне кажется, я нормальная, потому что я прочитала «Лекции по эстетике» Гегеля. Очень трудно было читать его, я только по три часа в день могла читать. Но впечатление какое! Как он блестяще знал материал! А стиль тяжёлый. Я тогда разыскала где-то маленькую фотографию Гегеля, не помню даже где. Его портрет – такой же, как и его литературный стиль. Но материал он, конечно, блестяще знал, этот немец! Так что я переквалифицировалась по профессиональной необходимости. А что касается поэзии, то, ещё будучи студенткой, я ходила в Дом Писателя, где однажды мне довелось слушать переводы *Ли Бо*¹⁹. Их читал *Александр Ильич Гитович*²⁰. Он был немножечко выпивший и читал стихи о вине, меня тогда это очень восхитило! Вот так я встретила с Гитовичем!

ВГ: Очень интересно! А кто давал вам темы курсовых работ в студенческие годы? Кто руководил вашими курсовыми, а потом дипломной работой?

ТТ: Ефимов. Практику мы проходили в ЦГИА, это центральный государственный исторический архив. Там одна сотрудница сказала: «Хватит, деточка, тебе полдня!». После обеда она разрешала мне уходить, потому что очень трудно читать рукописные китайские тексты. В архиве были материалы по дунганам. По крайней мере, нам дали их переводить. Поэтому тема курсовой была связана с этими материалами. Я её написала, и Георгий

17 *Семанов Владимир Иванович* (1933–2010). Литературовед, синолог, д.ф.н. (1970). засл. профессор МГУ. Окончил востфак ЛГУ (1955.). Преподаватель каф. кит. филологии ИСАА МГУ (1973–2005). Один из составителей программы по истории кит. литературы (Москва, 2002).

18 *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (*Hegel Georg Wilhelm Friedrich*, 1770–1831). Нем. философ, один из основоположников нем. классич. философии.

19 *Ли Бо* (современное произношение Ли Бай) или Ли Тайбай (李白; 李太白; 701–762/763). Поэт эпохи Тан, известный как «Бессмертный в поэзии» (кит. 詩仙). Принадлежит к числу самых почитаемых поэтов в истории кит. литературы.

20 *Гитович Александр Ильич* (1909–1966). Поэт, переводчик китайской поэзии (в т.ч. Цюй Юань, Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй, Го Мо-жо, Мао Цзэ-дун и др.).

Яковлевич Смолин поставил «пятёрку». Наверное, это было незаслуженно. Вернее, Смолин предложил, а Ефимов сказал: «Нет, поставим “4”». Ефимов очень был похож на барона. Борис Михайлович Новиков, по-видимому, стоял между ним и Смолиным, более демократичный. Но, знаете, все они замечательно читали лекции, давали темы курсовых работ, а чтобы какие-то были беседы – их не было. Это было компенсировано уже потом, в Ленинградском отделении Института востоковедения АН. Ещё я писала работу у *Березного Льва Абрамовича*²¹, и рассмешила его своим вопросом по телефону. Например, сегодня я сдала курсовую, а на следующий день я позвонила своему научному руководителю, узнать его мнение. Он сказал: «Ну, конечно! Я вчера пришёл из университета, не ел, не пил, а читал вашу работу!» То есть он ещё не прикасался к моей курсовой. Но я же не знала этого!

ВГ: А Борис Григорьевич Доронин преподавал вам какие-то предметы?

ТТ: Да. То ли зачёт мы ему сдавали, то ли ещё что, уже и не помню. Курсовые писала у Ефимова, потом у Березного. А Георгий Яковлевич Смолин читал нам спецкурс по восстаниям XII века, больше не помню. Самым демократичным был Георгий Яковлевич Смолин. Он как-то потечески к нам относился. А к Геронтию Валентиновичу Ефимову мы боялись обратиться с каким-либо вопросом, настолько он был весь такой «накрахмаленный».

ВГ: Какой была тема дипломной? Вашим дипломом руководил Ефимов?

ТТ: Да. Но хочу сказать не о своей дипломной работе. Как и положено, нам сказали, какое количество страниц должно быть в дипломном сочинении. И только. Материалы курсовых вошли в наши дипломы. И мы все сделали так, как от нас требовали – дипломы от 50 до 100 страниц. А на защите дипломных оказалось, что у Тани Боровковой (была у нас такая девочка на курсе) дипломная работа написана всего на 9–10 страницах! Но это было её открытие по арабскому языку! Она необыкновенно умная девочка была. Я забыла про содержание своей дипломной. Просто выполнила работу по всем правилам. Источники у нас обязательно были на китайском языке. К счастью, работа соответствовала требованиям.

ВГ: В каком году вы окончили университет?

ТТ: В 1964 году. Я болела, и пропустила два года по болезни, поэтому так получилось. И очень жалею, что была только на трёх уроках японского языка (у нас вторым языком был японский), который потом сама изучала. Как

21 *Березный Лев Абрамович* (1915–2005). Китаевед, д.и.н. (1969), профессор (1971). Преподаватель востфака ЛГУ (с 1949). Иссл. внеш. полит. и межд. аспекты ист. Китая в XX в., историогр. Китая.

выяснилось позднее, их у нас вёл удивительный человек – *Бабинцев Андрей Андреевич*²². На одном из трёх уроков Андрей Андреевич похвалил меня в группе. Но как только он похвалил, я такую чушь начала нести, невероятно! Думаю: «Господи!», а он: «Ну ничего, ничего!» Так что похвала бывает опасной.

ВГ: Почему вы стали изучать японский самостоятельно?

ТТ: Японский я стала изучать тогда, когда мой внук Алёша заболел серьёзно. Давид Лазаревич смог отправить его в Японию, потому что только там могли вылечить ожоги такой степени, какие у него были. Я тогда была в Ленинграде и дала себе слово, что выучу японский язык и буду показывать свой прекрасный город японцам бесплатно. Что я и делаю с таким удовольствием! Эрмитаж, экскурсии по городу, это моё – не люблю это слово – «хобби», моё увлечение. По-моему, даже на равных с китайским языком. Литература, искусство, поэзия – само собой разумеется, Япония всё это заимствовала, но очень творчески. Например, чайная церемония, которую они взяли у китайцев, буквально как небо и земля отличается. Или же «цзюэ цзюй» – четверостишия китайские и хайку японские... Казалось бы, куда уж лаконичнее? Японцы довели лаконизм до совершенства, до предела. Конечно, на моё решение повлияла судьба Алёши, моего внука.

ВГ: С кем ещё из коллег доводилось встречаться в Ленинграде?

ТТ: Мне очень хочется рассказать о *Борисе Ивановиче Панкратове*²³. Это своеобразный китайский вариант *Рихарда Зорге*²⁴. И когда мне посчастливилось с ним один раз в жизни увидеться, он мне подарил сборник китайских стихов в переводе на японский. Издание – Токио, 1916 год. К нашему знакомству имел отношение мой неофициальный руководитель, Лев Николаевич Меньшиков. Уже будучи в аспирантуре, я сказала ему: «Я бы очень хотела увидеть этого легендарного человека!» А Меньшиков ответил: «Хорошо, я спрошу». О Панкратове говорили: если никто в Ленинграде не может ответить на какой-то вопрос, нужно обращаться к Панкратову!..

ВГ: И как произошла ваша встреча?

22 *Бабинцев Андрей Андреевич* (1920–1983). Японист, лингвист. Окончил востфак ЛГУ (1950). Преподаватель кафедры японской филологии востфака ЛГУ (1952–1983).

23 *Панкратов Борис Иванович* (1892–1979). Востоковед. Окончил Вост. ин-т (Владивосток, 1916). Работал в Китае (1918–1935, 1942–1948). Владел кит., монг., тибет., маньчж. яз. Преподаватель востфака ЛГУ (1949), сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1935–1942, 1948–1979). Первым в Евр. сделал науч. реконстр. исх. монг. текста и перевод «Сокровенного сказания монголов» (Юань чао би ши). К сож., 1-й перевод утрачен, а 2-й не завершён.

24 *Зорге Рихард* (нем. *Sorge Richard*) (1895–1944). Немецкий журналист, дипломат, советский разведчик нелегальной резидентуры времён Второй мировой войны, резидент советской разведки в Японии (1933–1941). Герой Советского Союза (1964, посмертно).

ТТ: Однажды Лев Николаевич сказал: «Завтра, в шесть часов вечера, вас ждёт Борис Иванович Панкратов!» Дело было зимой или осенью, когда уже стемнело (в Ленинграде вечерами темно не только зимой, но и осенью), я пришла к Борису Ивановичу Панкратову, который жил где-то в районе Библиотеки Академии наук. Меня встретил худенький, в халате и в шапочке монаха человек. Пожилой – так мне показалось тогда. Но, наверное, он был намного младше, чем я сейчас. И было юношеское рукопожатие! Он провёл меня в большую комнату (я была приятно удивлена её пустотой), где по всему периметру были стеллажи, на которых стояли не книги, а папки. Потом, как мне говорили, это всё стало достоянием ЛО ИВ АН (сейчас это ИВР). Борис Иванович подвёл меня к столу. Огромный стол, совершенно пустой. Не так, как у меня – всё заставлено, завалено. Пустой стол, настольная лампа, и круг от настольной лампы отражался на столе. В этом круге света лежал кот. Видимо, от лампы шло тепло, а в комнате было достаточно прохладно. Борис Иванович тогда спрашивал у меня обо мне, о себе ничего не говорил. На следующий день или через два дня я улетала во Владивосток. И вот тогда Борис Иванович подарил мне этот сборник китайских стихов в переводе на японский язык. А когда я приехала, буквально через пару недель (то есть – это как раз время на дорогу), на моё имя пришла бандероль – книги «Пекинская опера». Почтальон не смог вручить, поэтому передал через соседей. Соседка передаёт и говорит: «Вот, профессору Томихай!», и сама улыбалась, потому что с косичками девочка, и вдруг Панкратов так меня назвал. Вот такой подарок! Я, Валечка, очень хочу одну вещь сказать! Я убедилась, как влияют встречи и люди. Борис Иванович Панкратов присылал мне потом поздравительные открытки на 1 Мая, на Новый год. Однажды я получила открыточку, исписанную большими и маленькими буквами, одна на другую находили. А через неделю я увидела в журнале (сейчас не могу вспомнить название, но востоковедный) сообщение о том, что Борис Иванович Панкратов ушёл из земной жизни. Самое поразительное, что эта открытка (я тогда разревелась!) была написана за день до его ухода из жизни! Не могу понять, ведь я же не училась у него. Один раз мы виделись! И, наверное, было моё такое глубочайшее почтение, уважение, нежность. Я считаю, что открытки и подарки, которые он дарил, и то, что он за день до ухода из жизни вспомнил меня – это тоже было необычно!

ВГ: Видимо, был одинок и просто почувствовал в вас родственную душу!

ТТ: Расскажу один эпизод, который случился года полтора назад и имеет некоторое отношение к этому. Наверное, я «жаворонок», встаю рано. В пять утра открываю компьютер, а там письмо от Аканэ Накадэ из Японии. «Сегодня, 4 часа тому назад, родилась моя доченька!» Я расплакалась. Всего

четыре часа назад родилась девочка, женщина такие муки перенесла, и она сообщила об этом какой-то Томихай, с которой виделась один раз в жизни! Рост и вес... Я была тронута! Так и Борис Иванович...

ВГ: Панкратов – легенда! Я стараюсь расспрашивать о нём всех героев интервью, кто был знаком или работал с ним (кстати, он учился во Владивостоке!). Поэтому отдельное спасибо за вашу историю, которая помогает нам дорисовать образ Бориса Ивановича!.. Скажите, пожалуйста, как решился вопрос с вашим трудоустройством после окончания университета? Ведь вы не имели ленинградской прописки и не могли остаться, чтобы жить и работать в Ленинграде.

ТТ: Дело в том, что на 3-м или 4-м курсе (не помню) я вышла замуж.

ВГ: Как не помните?

ТТ: То ли 3-й, то ли 4-й. Но Давид Лазаревич начиная с третьего курса всё пытался во Дворец бракосочетания... Это напротив восточного факультета. По-видимому, на четвёртом курсе я вышла замуж. Но из-за того, что я опоздала на два года из-за болезни, Давид Лазаревич окончил университет в 1962 году, и его направили во Владивосток. Вот Давид Лазаревич – это удивительный человек! В отличие от меня, он сразу выбрал археологию. И учился последовательно у *Алексея Павловича Окладникова*²⁵. Он уехал, поэтому и я уже поехала во Владивосток таким образом, в качестве жены. И там меня ждало филологическое отделение.

ВГ: Да, тогда ещё не был воссоздан востфак ДВГУ.

ТТ: Была кафедра китайского языка. Вот таким образом произошло моё трудоустройство. И там, в ДВГУ, мои ученики были примерно того же возраста, что и я. Я вела у них разговорный китайский язык – и на японском отделении, и на китайском. Попозже, когда факультет уже открылся – вела древнекитайский, историю древней и средневековой китайской литературы. К истории я уже была непричастна, поэтому поступила в аспирантуру, чтобы заниматься посерьёзнее литературой – раз веду занятия по китайской литературе.

ВГ: Трудно ли было привыкать к жизни на Дальнем востоке в 1964 году?

ТТ: Насколько я себя помню, лет с пяти, и детство, и юность мои были очень голодными. И без дома. Поэтому Владивосток показался мне даже очень хорошим. Мы получили однокомнатную квартиру, поэтому всё было хорошо

25 *Окладников Алексей Павлович* (1908–1981). Историк, археолог. д.и.н. (1947), профессор, академик АН СССР (1968), членкор Брит. акад. (1973), организатор и дир. ИИФФ СО РАН (1966–1981), лауреат Сталин. премии (1950) и Госпремии СССР (1973). Герой Соц. Труда (1978). Окончил Иркут. пед. ин-т (1934), Иссл. ист., археол. и этногр. Сибири, Д. Востока, Сред. и Центр. Азии.

в целом. Мы все получали по 105 рублей. Правда, у Давида Лазаревича и у меня много денег уходило на печатание статей. А Давид Лазаревич – наверное, такого не сыщешь папу. Он так заворачивал этого ребёнка! На улице были холод и ветер, но у ребёнка мордашка была очень загоревшая, потому что Давид Лазаревич заворачивал его и находил уголок, где было солнце, мороз, а ветра не было. Но так было до тех пор, пока ребёнок на ноги не становился. Когда же мальчик становился на ноги, то тогда в воспитание вмешивались уже другие приёмы. К моему сожалению, в этом у нас разный подход был. Тем не менее я считала, что у мальчика должен быть отец. Но дети такие все умные, всё видят! Поэтому однажды я услышала вопрос от старшего сына ко мне: «Мама, неужели ты не уйдёшь от папы?» Но об уходе и речи никогда не было, да и никаких выяснений не было, потому что цели у нас были одни: воспитать хорошего человека! И я рада, когда мальчик мой, по-моему, в 12 лет, сказал: «Нашим папой можно гордиться!» С одной стороны, он спросил «не уйдёшь ли от папы?», а, с другой стороны, сказал «можно гордиться, потому что он даже рубля не украл у государства! Такой вот человек!» И мне это очень понравилось. Кстати, мой старший сын Лёня, когда ему предлагали поступать в университет на физфак, сказал: «Учиться там, где работают мои родители – ни за что!» В душе я тоже этому порадовалась. Правильно это или нет, не знаю, но было вот так.

ВГ: Расскажите, пожалуйста, про ваших сыновей. У вас два сына?

ТТ: Да. Лёня и Денис. Когда я ушла от Давида Лазаревича... Когда Лёня спросил – неужели не уйдёшь? Наш младший, которому было пять лет, говорит: «Мамочка, давай от папы далеко-далеко уедем, чтобы он нас никогда нигде не нашёл!» Ну, присутствовала сильная рука папы: то не так шнурок зашнуровал, то башмачки не те, и всё время это было... Ну, характер Давида Лазаревича, этого удивительного человека. И я просто ушла, и мы все скитались. Наверное, он считал, что, не зная жизни, я не выдержу и вернусь. Но так не случилось. И поэтому приходилось нам с детьми и собакой Зураном скитаться по разным местам. Мне студенты, между прочим, помогли найти комнату, метров девять, хотя там с нами сын хозяйки всегда был. И я думаю: замуж я не собираюсь выходить, развод мне не нужен. Я просто ушла, отказалась от квартиры, от алиментов – только бы со мной остались дети! Я ушла только со словарём, было две ложки там, – и всё. И уже потом старший сын Лёня, когда вернулся из Калининградского мореходного училища, куда он поступал, сказал: «Папа, я не мама! Мы будем разменивать нашу квартиру двухкомнатную!» Вот так вот получилось. Мы расстались с той чудесной квартирой на Океанском проспекте. Но Давид Лазаревич по-прежнему забирал к себе младшего сына на субботу-

воскресенье, и ребёнок возвращался ко мне почти всегда побитым. Ну, дети же, они же непослушные. И, вы знаете, я до сих пор не даю себе ответа, правильно сделала или нет. Почему-то у меня нет одного мнения, а есть два. И так, и эдак. И чтобы, боже упаси, он не забрал у меня мальчиков! А он и не собирался! Он был уверен, что я вернусь – негде жить и ничего нет. Чтобы только он не забрал мальчиков, я отказалась от квартиры, от всего. Но я рада, что, когда я уехала в Ленинград, у меня уже родился внук Алёшенька, сын моего Лёни. Он очень рано женился, по-моему, в 18 лет. А я с младшим уехала в Ленинград, вышла замуж. Я приехала в Ленинград в командировку и зашла в больницу, где лежала моя руководитель *Ольга Лазаревна Фишман*²⁶. Зашла попрощаться. По-моему, Ольга Лазаревна была уже вне телесной оболочки, такая худенькая.

ВГ: Какой это год был?

ТТ: Видимо, 1985 год. Я тогда попросила разрешения пойти в больницу. Было поздно, но я сказала, что мне завтра улетать, и меня впустили, а выйти уже не могла. В больнице, на обратном пути до *Нины Владимировны Ивочкиной*²⁷ – она жила на улице Марата, я встретила какого-то человека. Этот человек спрашивает: «Вам выход нужен?» Я говорю: «Да». Он: «Пойдёмте, мне тоже на выход!» Это был Олег Дмитриевич Серебряков. Он был специалистом по космосу, читал космические съёмки из космоса. И пока он меня провожал до остановки, а потом мы вместе ехали и шли дома до Нины Владимировны, до улицы Марата, он сделал мне предложение. Это была дорога в 45 минут, и он сделал предложение выйти замуж. Я говорю: «Олег Дмитриевич, я – бабушка. Кто в возрасте бабушки выходит замуж?» А он говорит: «Ничего, хорошо! Я буду сразу и отцом, и дедом!» Но я уехала во Владивосток. Там не было квартиры, и комнаты не было. Однажды меня разыскал мой ученик *Володя Бородич*²⁸. Он прилетел из Москвы, нашёл меня в каком-то полуподвальном помещении и говорит: «Тамара Хинчевна, я всё наблюдаю за вами. Вы усложняете и усложняете себе жизнь!» Но от Олега Дмитриевича Серебрякова целый год шли письма с настойчивым

26 *Фишман Ольга Лазаревна* (1919–1986). Китаевед, литературовед-синолог, переводчик, педагог. Д.ф.н. (1965). Окончила ЛГУ (1941). Преподаватель ЛГУ (1946–1949). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1958). Франц. Академия надписей и изящной словесности удостоила премии С. Жюльена комментированный перевод О. Л. Фишман «Заметок из хижины „Великое в малом“» Цзи Юня (1976).

27 *Ивочкина Нина Владимировна* (1936–2004). Китаевед, к.и.н. (1988). Окончила истфак ЛГУ (1960). Сотрудник Эрмитажа (с 1963). Исследователь нумизматики, хранитель Дальневосточного собрания отдела нумизматики Эрмитажа. В 1980-х гг. читала спецкурсы по нумизматике на востфаке ДВГУ.

28 *Бородич Владимир Фёдорович* (1948 г.р.). Китаевед, к.ю.н. (1989). Окончил ИСАА МГУ (1972). Сотрудник ИДВ РАН (с 2001). Спец. по новейшей ист. Китая.

предложением выйти замуж. Я отвечала: «Нет-нет». Он говорит: «Тогда я обращаюсь к старшему сыну, чтобы он помог вас убедить! Потому что младшему мальчику нужна отеческая забота!» И через год я приняла это предложение, вернулась в Петербург, в Ленинград. Здесь я побоялась даже в университет устраиваться на работу. Ну как это? А потом мой однокурсник Янсон²⁹ говорит: «Так надо было! А к кому идти, если не к своим?» Он был тогда то ли деканом факультета восточного, то ли ещё кем-то... Ну, неважно! А я нашла работу – поехала в Ригу. Там брали меня в Академию и в университет, но сказали: «Надо латышский изучать!» Я говорю: «Хорошо!». Рига – город удивительный, но для меня он был неродной, поэтому я вернулась в Ленинград и нашла работу.

ВГ: И снова не в родном университете?

ТТ: Вы знаете, я в своей жизни в Ленинграде уже много работала со школьниками. Этот опыт уникальный для востоковеда! Вообще для учителя – уникальный». Я вела уроки в специализированной китайской школе с 1 по 10 классы, а потом работала в международной школе на Невском, около станции метро «Площадь Восстания». Для меня это был богатейший опыт, богатейший! То есть получалось так, что не я обучаю, а меня учат. И большие, и маленькие, и ровесники. Международная и китайская школы тоже дали мне очень много! Вплоть до того, что, например, маленькая девочка лет 7–8 из Японии подсказала мне идею книжки «Учим китайский вместе с мамой»³⁰, которую я сделала. Эта книжечка – вообще без текста, в

ней только иероглифы и картинки. Как-то на уроке эта девочка спросила: «А можно не писать перевод, а нарисовать картинку?» Оформление, цветовая гамма книги позволяют сконцентрировать внимание на красоте иероглифа, его загадочности, картинке... И много пустоты, тишины, в которую погружается ребёнок (и не только ребёнок). Когда я отправилась в Дом книги за опытом, перед тем как приступить к воплощению замысла моей книжечки, я пришла в ужас! – я увидела очень много учебников по изучению иностранного языка, в которых было «ковровое» заполнение рисунками кривляющихся детей, животных... Голова кругом идёт! Суета сует всюду: на улице, в школе, дома и даже в книжках-учебниках... В моём варианте детской книжки – всё наоборот. Там – Тишина, которую неосознанно ищет ребёнок. Позже, когда книжка

29 Янсон Рудольф Алексеевич (1939–2021). Китаевед, к.ф.н. (1968), д.ф.н. (1991), профессор (1994), Засл. работник выс. школы (1999), Почётн. проф. СПбГУ (2016). Окончил востфак ЛГУ (1962). Преподаватель востфака ЛГУ (с 1962). Сотр. посольства СССР в Бирме (1978–1983). Специалист по бирмановедению.

30 Томихай Т.Х. Учим китайский язык вместе с мамой. СПб.: Алаборг, 2009. 124 с.

появилась на свет, стало понятно, как мне удалось услышать Тишину. Здесь мне очень помогла творческая идея Татьяны Григорьевой – автора книги «Японская художественная традиция». Мне кажется, в её книге красной нитью проходит мысль о важнейшей философской категории Пустотно-белого в искусстве Японии. Трудно переоценить, насколько важна эта мысль для всей японской художественной культуры! И вот, при составлении детской книжечки этот принцип сыграл решающую роль. Ребёнок с этой книжечкой в руках погружается в тишину, видит только прекрасный иероглиф и картинку, передающую содержание иероглифа. Погружается в мир красоты. Ему ведь так нужна тишина! А её нет, ни в школе, ни дома, ни на улице! В целом я многому научилась у моих учеников. Опыт работы с маленькими считаю исключительно важным для себя!

ВГ: Можно ли поделиться квинтэссенцией этого опыта?

ТТ: Мне очень хочется поделиться уникальным опытом работы в школе с маленькими детьми! Работая в школьной системе, я столкнулась с необычной ситуацией, когда, по окончании средней школы с китайским языком, ученик не владел письменностью и разговорным. И, что самое ужасное, испытывал полное безразличие и даже неприязнь к китайскому языку. Меня удивляло, что мои коллеги знакомили ученика с иероглифом лишь на второй-третий год обучения китайскому языку. Но с письменным знаком китайского языка первоклассника нужно знакомить с первого урока! Ребёнок с раннего возраста любит рисовать, и он, естественно, испытывает интерес к иероглифу-картинке (пиктограмма). Грех лишать его такой возможности при встрече с незнакомым языком! И если ему помочь анализировать, расшифровывать смысл необычного письменного знака, то ребёнок легко усваивает даже сложные иероглифы!

И ещё. Дети обожают петь. Эту особенность, природный дар, тоже важно привлечь к процессу обучения китайского языка (и не только). Песенки на китайском – обычно мы начинали урок именно с них, по просьбе детей. На наши музыкальные упражнения уходило 3-5 минут, но оставшиеся 40 минут урока проходили в хорошем настроении! Правда, мне попадало от коллег и заведующей (петь не положено по программе!). Но когда в гости приходили сотрудники консульства КНР, они приятно удивлялись и радовались. И сами подпевали детям, кстати. В то время было нелегко найти этот материал и самой овладеть песенками-считалочками, но при желании можно было. Дети с удовольствием сами пели, а потом обучали мелодичным китайским песням своих бабушек, сестричек, то есть шёл важный учебный процесс!

Во время работы в школе я также неожиданно узнала, что фонетические упражнения по китайскому языку вылечили мальчика 4–5 класса Павлика от

заикания. Его мама привела в мой класс испуганного, неуверенного, стеснительного сына. А спустя примерно полгода сами дети (мы вместе выставляли оценку) ставили Паше «отлично» за чтение, пересказ, иероглифы на доске. Облик мальчика изменился, перед нами стоял ребёнок, счастливый тем, что получил справедливую оценку его трудов, что в классе его уважают! В специализированной школе с китайским, кажется, в первом или втором классе, у меня был совсем крошечный мальчик-с-пальчик. Его ножки не дотягивались до пола, он сидел за первой партой среднего ряда, напротив моего стола. Я видела, как он играл с игрушечной машинкой на коленках и чуть-чуть жужжал. Но когда в это время его одноклассник у доски неправильно проговаривал тон или неправильно писал иероглиф, он сразу же тихо и спокойно исправлял ошибки. Кажется, его звали Феликс (прошло так много лет и, может, я ошибаюсь в имени этого мальчика). Но фамилию помню точно – Торчинов. Я категорически против школ-интернатов или, точнее, условий в таких учебных заведениях, где дети, лишённые общения с мамой и домом, страдали. Этого первоклассника, к сожалению, почему-то просто ненавидела учительница по русскому языку. В его тетради стояли двойки, может быть, даже заслуженные, если судить по тетради. Ко мне с её стороны тоже были претензии – почему я ставлю отличные оценки по китайскому, если он русский не знает! А как же иначе, если в тетради по китайскому у него были стройные ряды красиво написанных иероглифов, а устные ответы тоже радовали слух не только учителя!

Однажды за мной приехала от школы машина (я была на больничном), потому что телевидение снимало фильм об изучении китайского языка в школах Петербурга. Телефильм был предназначен в качестве подарка для мэра Шанхая. Я тогда подсказала операторам один эпизод: поставить стул у доски, чтобы самый непослушный ребёнок школы, Торчинов, красивыми иероглифами написал фразу: «Здравствуй, мой китайский друг!». Написал на самом верху доски, куда без стула ему никак не дотянуться!

Нередки были случаи в школе, когда только на урок китайского ко мне привозили детей во время их болезни, так им нравился китайский. Писать иероглифы на доске тянулись все. Но вызывала я тех, у кого ровная спинка, осанка. Таким образом удавалось спасать детям позвоночника. Когда меня спрашивали коллеги, наказываю ли я учеников, я отвечала – да, конечно, не вызываю к доске! Так они же рады, если их не вызывают! – отвечали мне.

Эти короткие воспоминания говорят сами за себя и, может быть, как-то отвечают на вопрос, что нужно, чтобы стать учителем-китаеведом. В первую очередь – любить детей. И в первую же очередь любить китайский язык, народ, говорящий на нём, его культуру. Среди моих коллег в школе-

интернате была одна преподавательница (не буду называть её имени), которая ненавидела детей вообще, и китайский тоже. Правда, ей нравилось часто бывать в Китае...

ВГ: Как вы оказались в международной школе?

ТТ: Почему меня туда приглашали, если «англичан» хватает в городе? Дело в том, что в международной школе нужно было преподавать английский язык детям из Японии и Китая, преподавать на китайском и японском языках. И я это делала! В международной школе я целый год обучала семилетнего мальчика Сатоки Кори по японской программе. А через 17 лет в сети «ВКонтакте» вдруг вижу – Сатоки Кори! Пишет мне: «Ты меня помнишь, Томихай-сэнсэй? Ты меня обучала японскому языку! Не можешь ли ты сейчас со мной петь песни? Обучать меня русским песням?» Он написал мне это письмо из Токио. И вот, мы пели в два голоса, дуэтом, русские народные песни: я – безголосая и Сатоки. У Сатоки удивительный голос! Я тоже прослезилась тогда. Подумала – был семилетний ребенок, сейчас ему плюс 17 лет – это сколько, 24? И он вспомнил меня! Или не забывал, я же не знаю! Он сын профессора Синья Кори, специалиста по творчеству Достоевского. В Петербург они приезжали в годичную командировку.

Таким образом меня пригласили в международную школу Герценовского университета, обучать этого мальчика по японской программе. И вдруг этот семилетний Сатоки расшнуровывает и снимает башмачки, чтобы встать на стул у доски. А класс – на одного человека! Он взбирается на табуретку и пишет иероглифы на доске. Он такой маленький, что без табуретки может только в нижней части доски написать. Я была приятно удивлена. А в апреле, когда заканчивали школу, вдруг Сатоки взлетает на стул в башмачках! Я говорю: «Сатоки, а башмачки?» – «А, ничего!», – уже получил школу хорошую в России. Однажды он спрашивает: «Томихай-сэнсэй, я красивый?» Я говорю: «Красивый, Сатоки!» А он: «Н-е-е-е-т, я некрасивый!» Как-то раз на перемене я вдруг слышу из физкультурного зала Шуберта, сочинение музыкальное. Думаю: кто это может играть? В зале физкультурном фортепьяно стояло. Смотрю: Сатоки, этот крошечный ребёнок. Я спрашиваю: «Сатоки, ты знаешь европейскую музыку?» Он отвечает: «Да. Папа в Японии пригласил учителя и обучал меня». Я говорю: «Сатоки, тогда я тебя смогу брать в Большой зал филармонии, я каждую неделю в субботу хожу в Большой зал филармонии!» И вот почти целый год я брала этого ребёнка. Но теперь я слушала симфонические концерты не с 17-го ряда, не наверху, а в первом ряду мы сидели! А в понедельник меня ждал подарок – целая пачка бумаги: там инструменты и оркестранты: сверху, снизу, лысенькие, толстенные. Вот такой был подарок!

ВГ: Это был его рисунок?

ТТ: Да! Он весь оркестр изображал на этих бумажках и дарил мне. А потом я его возила на балет, в театр Эрмитаж. Последний наш визит был на мужской балет в Большом Октябрьском зале. Там у нас уже был визит и с папой, и с мамой, нас трое взрослых было. И папа сообщает: «Я сейчас разговаривал с японцем, они продлевают контракт. Он сказал, что мужской балет Михайловского будет гастролировать в Японии». А Сатоки говорит: «Вот хорошо!» Через два дня они улетали в Японию, это у нас был прощальный общий визит. И Сатоки говорит: «Вот, приеду, прилечу, и сразу мы пойдём все вместе на балет!» А его мама возражает: «Нет, там мы не сможем билет купить, ведь там очень дорого он будет стоить!» А здесь тогда всё было нормально у нас с билетами. И этот мальчик приезжал ко мне спустя 17 лет, уже такой взрослый! Он отлично писал иероглифы, красиво, очень образованным был. Единственный ребёнок у профессора Синья Кори. Я даже не сомневалась, что он пойдёт по стопам папы с мамой. Мама тоже занималась русской литературой и языком.

ВГ: Говорят, у вас были и взрослые ученики!

ТТ: Да. Одним из моих необычных учеников был господин Торкель Торсон, сотрудник королевского консульства Норвегии. Он, конечно, был чуть постарше тех, о ком я сейчас рассказала, но, как и они, был не только и не столько учеником, сколько и моим учителем. У каждого из своих учеников я училась искать ключик к решению разных проблем, возникающих при обучении китайскому или японскому языкам. Тот удивительный норвежец после трёхлетней дипломатической службы в Китае прекрасно говорил на китайском с соблюдением тонов, но писать иероглифы – проблема! Думаю, причина заключалась в методике обучения. По его словам, китайский преподаватель быстро писал на доске тексты, не оборачиваясь на аудиторию в 50–100 человек. Студентам из Японии и Кореи было понятно более-менее, но для учеников из европейских стран – то была тайна за семью печатями! Анализ, анатомирование иероглифа, расшифровка его, решили бы проблему для европейского ученика...

ВГ: Тамара Хинчевна, позвольте я вас немного перебыю! Всё-таки наш главный герой – это вы! Предлагаю вернуться к началу вашего преподавания в ДВГУ и вспомнить ваших первых студентов, среди которых были *А.А. Хаматова*³¹, *О.П. Болотина*, *Т.С. Заяц*³². Я не ошибаюсь?

31 *Хаматова Анна Александровна* (1945 г.р.). Китаевед-лингвист, педагог ДВГУ/ДВФУ (с 1968), к.ф.н. (1978), засл. работник высшей школы РФ (с 1999), профессор ДВФУ (2011). Автор 140 научных работ и научно-педагогических работ.

ТТ: Да-да. Вы не ошибаетесь.

ВГ: Какие воспоминания остались у вас от преподавания этим студентам?

ТТ: Когда вы предложили мне участвовать в проекте «Китаеведение – устная история», я потом подумала и пришла к выводу, что для меня были очень важными и учителя, и ученики. Болотина и Хаматова были очень организованные. Такие, как бы сказать... практичные, наверное, нехорошо, но что-то в этом роде. Способные были девочки. По-моему, они тогда уже не на первом курсе были. И Нина Соколова там была с японского отделения. Они буквально через год-два стали заведующими.

ВГ: Татьяна Семёновна Заяц, по-моему, среди них была тоже?

ТТ: Да, мы жили в одном доме с Татьяной Семёновной Заяц. Я могу сказать, что они хорошо учились. Но такого тёплого отношения к этим девочкам у меня не было. Ну, отличницы, очень деловые были. Потом они каждое лето ходили на судах в Японию в качестве горничных... Вскоре они стали заведовать кафедрой – Болотина, а Хаматова стала уже деканом факультета, и дистанция между нами ещё более увеличилась. Почему? Потому что я вся была занята работой, нужно было очень много готовить материалы к занятиям. А на собраниях, естественно, тогда давали общие установки. Хаматова, Болотина и ещё два или три человека были членами партии, а остальных собирали на открытое партийное собрание. Потом нас выпроваживали, и уже там обсуждались партийные секреты. Конечно, работа у них была сложная, административная. Но были и возможности поехать куда-то. По-моему, Хаматова очень часто ездила в Китай. Она сопровождала китаистов из Москвы и Ленинграда. В Гонконг и Сингапур они ещё тоже ездили... И когда представилась возможность послать в Китай или Гонконг несколько человек уже с нашей кафедры, с факультета, была такая картина: каждый встаёт и себя хвалит – что он хороший, он достоин! А поехать могут только два или три человека... Все их выступления фиксируют, записывают секретарь или кто-то там. Все стопроцентно встают, о себе говорят, а я думаю: ну, нехорошо же всем вставать!.. И я промолчала. У нас тогда *М.С. Беловицкий*³³ заведовал кафедрой. После заседания кафедры он подходит ко мне и говорит: «Хорошо, что вы не встали, ничего не говорили!» Но в начале

32 *Заяц Татьяна Семёновна* (1945 г.р.). Китаевед, литературовед, к.ф.н. (1975), доцент (1978). Окончила ДВГУ (1969). Преподаватель ДВГУ/ДВФУ (с 1969), завкафедрой кит. филол. (1975–1981).

33 *Беловицкий Михаил Степанович* (1911–?). Китаевед. Окончил кит. отдел. востфака ДГУ (1932–1937). Учитель англ. яз. в ср. шк. г. Уссурийска (1937–1939). Служил в РККА (1939–1955). Переводчик-референт, эксперт, редактор газеты на кит. яз. Дир. ср. шк. на Сахалине (1955–1964). Преподаватель кит. яз. в ДВГУ (1964–1983), завкафедрой кит. филол. на востфаке ДВГУ.

он всё же спросил: «А почему?» А я ответила: «Ну зачем же всем себя хвалить?» Тогда он говорит: «Ну, всё равно, вас бы Хаматова не отправила, потому что вы не партийная. А потом, уже в 1990-е годы, как мне рассказывали, Анна Александровна Хаматова в числе первых билет свой партийный оставила, выбросила или что-то. В Америку ездила тогда. А мы, я имею в виду себя, просто преподавали, занимались своим делом. Встречались очень редко – я в деканате почти никогда не бывала, только на тех партсобраниях общих, где нам общие установки давали. Я просто работала.

ВГ: С кем из преподавателей востфака вы общались более тесно и творчески?

ТТ: С *Бреславец*³⁴ общалась, хоть и не очень тесно. Обожала *Галкину Людмилу Васильевну*³⁵ – она появлялась на кафедре как солнышко. С ней мы вели разные беседы – и творческие, и нетворческие. *Сергеев Александр Леонидович*³⁶.

ВГ: С Сергеевым вы даже какие-то статьи писали в соавторстве! Например, две статьи про исторический роман «Инле чжуань»³⁷.

ТТ: Не то что бы вместе писали – я редактировала и корректировала его статьи, и даже его диссертацию. Дело в том, что у меня всегда было очень много курсовых и дипломных. И кружок литературный 15 лет существовал. Мы были единственными на факультете, у кого был такой литературный кружок. Мы переводили китайскую поэзию, обсуждали курсовые, дипломные. *Саша Гольштейн*³⁸ тексты тогда оформлял, каллиграфия его была исключительной. У меня была привычка, или не привычка, а обязанность такая – участвовать в переводах материалов к этим работам. Почему? Я знала, как это трудно, и помощь моя крайне была нужна –

34 *Бреславец Татьяна Иосифовна* (1945 г.р.). Японист, литературовед, переводчик. к.ф.н. (1976), доцент (1978), профессор ДВГУ (2001). Окончила ДВГУ (1969). Преподаватель каф. яп. филологии.

35 *Галкина Людмила Васильевна* (1947–2010). Кореист, к.ф.н. (1980). Окончила востфак ЛГУ (1974). Сотрудник ИИАЭ ДВНЦ АН СССР (1974–1981), преподаватель востфака (1981–1990), Вост. ин-та (1990–1999) ДВГУ. Основатель и завкафедрой кор. филологии (1990–1999). Преподаватель Ун-та Кемён (СПб., 1999–2000).

36 *Сергеев Александр Леонидович* (1945–2013). Китаист, к.ф.н. (1986), доцент. Преподаватель востфака и Восточного института ДВГУ (с 1977).

37 *Томихай Т.Х., Сергеев А.Л.* О роли традиций в средневековой китайской литературе (на материале романа «Инле чжуань») // VIII н.к. «Общество и государство в Китае». М., 1977. Т. 1. С. 153–159; *Томихай Т.Х., Сергеев А.Л.* О символике цвета в историческом романе «Инле чжуань» // IX н.к. «Общество и государство в Китае». М., 1978. Т. 1. С. 227–230.

38 *Гольштейн Александр* (1962 г.р.). Китаист-филолог, переводчик кит. языка. Окончил востфак ДВГУ (1984). Ученик Т.Х. Томихай. Читает курс лекций по кит. культуре и традициям в Открытом университете Израиля в Тель-Авиве. Автор переводов ряда канонических сочинений древнего Китая, изречений мастеров Чань-буддизма (Дзэн), «Иллюстрированного канона тайцзи-цюань Чэньской традиции», а также ряда др. изданий.

проверять, помогать. Чем я и занималась. И Сергееву помогала тоже. Когда он написал работу, пришлось корректировать и переводы, и сам текст. Ну, я со всеми работами так поступала, не только с его. В моей профессиональной работе был такой случай. Один студент, Чичаев Серёжа, шёл на красный диплом по японской литературе, попросил меня быть оппонентом дипломной работы. Я ему сказала, что счастлива оппонировать его работу... Сразу же ночью прочитала работу – и такое волнение, сердечная аритмия! Этот студент, который идёт на красный диплом, а в работе очень много ошибок, которые не исправишь! Он прекрасно переводил, прекрасно текст написал, но дипломная работа имела недостатки методологического плана. Как я поняла, на других кафедрах дипломникам просто давали тему – и защита! Всё! Руководитель больше не прикасался к работе... на другое утро я прибегаю в университет и говорю: «Серёжа, давайте найдём другого оппонента! Я не могу поставить больше «удовлетворительно», а вы этого не заслуживаете! И там нельзя исправить ошибки методологического плана, построение работы. Я не буду возражать, если кто-то другой поставит вам "отлично" за работу». А поскольку Серёжа сдал работу за 10 дней (обычно в последний день сдают студенты), он успел отдать её кому-то другому. Потом, когда я единственный раз была на выпускном вечере (я не ходила обычно, но ребята трижды приходили и увезли меня на тот вечер), Серёжа Чичаев подарил мне альбом (он и сейчас лежит у меня дома) и пригласил меня танцевать. Я говорю ему: «Серёжа! Я вам такую «свинью» подложила, а вы мне подарок!» Эту книгу-альбом у него пытались многие купить, а он мне её подарил! Он после окончания университета работал в посольстве в Японии.

ВГ: На рубеже 1970-х годов у вас был ещё студент, которого звали *Александр Кадырбаев*³⁹. Чем он вам запомнился? Как вы к нему относитесь?

ТТ: Этот мальчик – он тоже удивительный! Сейчас меня нередко находят мои студенты (уже неузнаваемые) при помощи компьютера и интернета. И вот, несколько лет назад звонит Саша Кадырбаев. Оказывается, он писал кандидатскую и докторскую диссертации у Евгения Ивановича Кычанова. Я была безумно рада встрече! Мы «макаронились» у меня (у меня макароны и хлеб есть). Я тогда попросила Сашу прислать мне все его работы, статьи, книги, что он и сделал. Поэтому я в курсе всех его работ: и что он писал у Кычанова, и других. Всё это было для меня настолько важно, потому что это

39 *Кадырбаев Александр Шайдатович* (1950 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1994), профессор. Окончил востфак ДВГУ (Владивосток, 1972). Преподаватель КазГУ (1996–1999). Сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (1972–1996), ИВ РАН (с 1999). Специализация: рос.-кит. отношения, Китай и страны Центр. Азии, Китай и мусульманский мир. Автор более 180 работ.

серьёзнейший учёный. А в студенчестве в их группе были одни мальчики: Саша Кадырбаев, *Коля Абаев*⁴⁰ и ещё мальчик, который ушёл во флот, друг Сашин... Так вот, Саша Кадырбаев был самым скромным и стеснительным! Все другие шутили, а Саша необыкновенно стеснительный и скромный был. Я даже удивлялась. Вот такой мальчик, восточный. Такое было о нём впечатление. И когда спустя большой промежуток времени Саша нашёл меня, мы встретились, я была так приятно удивлена! И, самое главное, с моей точки зрения, у него очень глубокие работы, какой бы темы они ни касались. Меня поразило огромное количество источников, огромное! Так он работает. С того момента у меня к нему было глубокое уважение. А сейчас я увидела запись интервью с Сашей – он уже таким солидным стал! Что касается Коли Абаева, я тоже знала его как необыкновенно способного, талантливого мальчика. Коля был некрасивым мальчиком, с точки зрения девочек, но за ним все девчонки ухаживали! Всем какой-нибудь карандаш дарили или блокнот, а Коле – обязательно шапку или ещё ценную вещь какую-то... А он даже издевался над всеми, и все немножечко побаивались его остроумных шуток. Однажды я иду с Колей из университета и говорю: «Коля, я не могу найти книгу. Мне нужна одна моя книга, а я не могу её найти!» (сейчас не могу вспомнить название). А он отвечает: «Тамара Хинчевна, так она у меня!» Я говорю: «Как это у вас? И вы до сих пор не отдали?» Он: «Так я думал, что вам она пока не нужна!» Коля для своей какой-то курсовой или дипломной брал ту книгу... У Коли, по-моему, была нечёткая речь, но его сразу после окончания оставили работать при университете, на историческом факультете.

ВГ: Да, он был ассистентом на кафедре всеобщей истории истфака и преподавал историю стран Азии и Африки. Через 12 лет я занял это же место!

ТТ: Как же он читал лекции? Но я регулярно посещала ежегодную конференцию «Общество и государство» в Москве и спустя много лет вдруг увидела в программе Колю Абаева! Сначала зал был неполный, но программа выполнялась строго. Я вижу, что должен выступать Коля Абаев, и думаю – такая ответственная московская конференция, а Коля невнятно говорит. Как же китаисты будут слушать его доклад? На доклад Абаева все пришли, зал был битком набит, и когда он читал свой доклад, была тишина не относительная, а абсолютная! У Коли была чудесная речь, чудесная постановка голоса. По-видимому, он над этим поработал. Его книжка про

40 *Абаев Николай Вячеславович* (1949–2020). Китаевед, востоковед, буддолог, д.и.н., профессор. Исследователь чань-буддизма и тэнгрианства. Окончил востфак ДВГУ (1972). Преподаватель ДВГУ, ТывГУ. Засл. деятель науки Респ. Тыва. Один из авторов словаря «Буддизм» и энциклопедического словаря «Китайская философия».

чань-буддизм⁴¹ была нарасхват у всех – у китаистов, у некитаистов. С Колей мы потом время от времени встречались в Москве, он познакомил меня со своей женой, необыкновенно красивой девочкой. Но другие ребята мне позже говорили, что не совсем всё складно у него. И, по-моему, вы мне сказали о его кончине. Я была очень расстроена и опечалена! Так же как и известием о *Серёже Пасканове*⁴², это одноклассник и друг Гольштейна Саши, тоже удивительно хороший человек. Я очень переживаю, когда не успеваю при жизни увидеться и встретиться! Вот, например, *Григорьева Татьяна*⁴³. У меня была привычка книгу не ставить на полку, пока не прочитаю. Даже если я не знакома лично, своё впечатление о прочитанном труде немедленно сообщала автору. Сейчас не помню детали. Кажется, «Японская художественная традиция» – так её книга называется. Я прочитала и послала телеграмму этой женщине, а недавно я узнала от своего друга в Москве, *Виктора Васильевича Яковлева*, что её уже нет на свете. Он написал, что был знаком и часто беседовал с Григорьевой. Её книгу о Японии и японских традициях я до сих пор не только помню, но и использую в своих исследованиях по китайской и японской литературе. Философская категория «пустотно-белого» в художественной традиции Японии. Это я запомнила. Это сквозной нитью проходит через всю научную работу, через все искусство и Японии, и Китая. И я использую это при анализе китайской литературы.

ВГ: Мне кажется, что вашим ученикам очень повезло с учителем!

ТТ: Вы знаете, я обожаю своих учеников. Самое интересное, что сейчас сами находят меня мальчишки наши. И Игорь Мажаров так меня удивил – он один из первых нашёл меня! А я смотрю на фотографию его и думаю: да никакой это не Мажаров! Неужели он такой солидный стал!? Он ещё обращался ко мне с какой-то просьбой, а я пыталась её выполнить – спросить про лес в Петербурге. Но я в этом не понимаю, не разбираюсь. С тех пор мы поддерживаем связь с Игорем. Вы знаете, я обычно сама выбирала темы для студентов, какая кому подходит. Например, Гольштейн обращается ко мне: я хочу писать по философии. Я говорю ему, что нам такую тему не утвердят, у нас не философский факультет. «Тогда по живописи», – просит он. Я говорю: «Саша, это не Академия художеств». Но пообещала подумать и нашла ему

41 *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1983. 133 с.

42 *Пасканов Сергей* (1960?–?). Китаевед-филолог, переводчик китайского языка. Окончил востфак ДВГУ (1984). Ученик Томихай Т.Х.

43 *Григорьева Татьяна Петровна* (1929–2014). Японист, литературовед, переводчик, д.ф.н., заслуженный деятель науки РФ (1997). Член Союза писателей России. Окончила МИВ (1952), аспирантуру ИВЯ МГУ (1957). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1958).

тему – «пейзажная лирика, философский аспект». И дело пошло! На 4-м курсе я Саше призналась: «Саша, вы превзошли своего научного руководителя – меня!» Я это почувствовала по работе. Подарила ему «Записки из сада с горчичное зерно» и книгу с портретами чиновников XVII века. Он спрашивает: «Вам не жалко?» А я отвечаю: «Жалко! Но вам она больше нужна!» И уже результаты этого я увидела, и сейчас продолжаю видеть. С Сашей мы тоже нашли! Надо не забыть потом про него сказать и про его книги. Он перевернул весь мир... Я двум мальчикам спасла их жизнь, получается, физически. В том числе Сашу Гольштейна – такое было. И ещё одного мальчика. И за это поплатилась. Всего-навсего меня выбросили из факультетского списка очередников на квартиру.

ВГ: Какую тему выбрали Мажарову?

ТТ: Это я не помню. Но хочу сказать, что с Игорем Мажаровым я ошиблась! Я думала, у этого мальчика нет каких-то особых данных. Такой ровно идёт. А потом, когда я узнала, что Игорь столько лет работает в Китае, комфортно себя чувствует там. Насчёт него я ошиблась, потому что я не разбираюсь в том, в чём Игорь сильный. А научных задатков я не видела или просто пропустила. И вдруг этот молодой человек превзошёл всех нас по своим достижениям! Недавно присылает письмо с просьбой прислать ему 10 моих книжек о китайской поэзии. Я думаю: для кого это он просит 10 моих книжек моих «В сердце моем осени свет»⁴⁴? Говорю ему: «Игорь, я дарю вам!». Но остальные он купил, прислал деньги на пересылку, вот такой мальчик! Так что он не порывает с Китаем.

ВГ: В каком году вы поступили в аспирантуру? Как определяли тему диссертации, и кто был вашим руководителем?

ТТ: Наверное, в 1974 году. Не помню точно когда.

ВГ: Я подскажу. У вас защита была в 1981 году, 25 января.

ТТ: Значит, действительно, в 1970-м каком-то году. Давид Лазаревич мне говорит: «Ну, ты же пишешь другим диссертации, напиши и себе!» И это был всего-навсего толчок, импульс. И я стала аспиранткой в Ленинградском отделении Института востоковедения АН. Согласилась с удовольствием. *Ольга Лазаревна Фишман* предложила тему о творчестве поэта II века Цзи Кан, и я целый год над ней проработала. И вдруг, спустя год, Владимир Иванович Семанов – не мой руководитель официальный, а просто удивительный человек – сообщает мне: через месяц защита по твоему поэту в Москве! Надо срочно менять тему! И он дал тревожную телеграмму моему

44 *Томихай Т.Х.* В сердце моем осени свет. СПб: Свое издательство, 2016. 352 с.; 2-е издание Издательство политехнического университета им. Петра Великого. 2017. 352 с.

руководителю, О.Л. Фишман. Как это можно было пропустить – что два человека работают над одной темой в китаеведении?! И мне пришлось срочно менять тему, хотя я уже год собирала материалы, большую работу проделала – компьютеров же не было тогда! Поэтому на моего Юй Синя (513–581)⁴⁵ у меня в заочной аспирантуре оставалось уже не 4 года, а всего 3 года. Но заочная аспирантура означает написание диссертации без отрыва от работы. Лев Николаевич Меньшиков мне тогда говорит: «Томихай, этот поэт очень трудный и сложный. Некоторые пытались переводить стихи Юй Синя, но потом бросали, потому что очень трудный текст!» А я отвечаю: «Лев Николаевич, просто во Владивостоке нет возможности читать источники, а у меня есть такая книжечка!» Поэтому я вынуждена была переводить Юй Синя. И Меньшиков был прав – читать и переводить было невероятно трудно! Но ничего не поделаешь, надо! Мне очень нравилось бывать в Институте востоковедения в Ленинграде: чистенько, пол там паркетный, и ходили едва ли не в тапочках. Дом был удивительный! И сотрудники института спрашивали друг у друга – задавали вопросы арабисты, китаисты, японисты... так хорошо. А мне не у кого спросить во Владивостоке, не у кого! Никто не занимается древностью, китайским языком и т.д. Ну, так и пришлось работать. Зато потом Сергей Евгеньевич Яхонтов должен был проверять мой перевод... Точнее, не должен, он... просто на мой вопрос ответил. Я не могла найти несколько слов по стихам Юй Синя, и когда была в командировке в Петербурге, я обратилась за помощью к Сергею Евгеньевичу. Он меня пригласил к себе домой. Посреди комнаты, кабинета его, была круглая этажерка, высотой до самого потолка. Он забрался по лестнице, достал нужный словарь, посмотрел и говорит: «Ты правильно перевела!» А знаете, как я это сделала? Просто проанализировала иероглифы по составным элементам! То, что я делаю на занятиях со студентами. Китайцы и японцы впитали это понимание с молоком матери. Я же не могла найти значение по имеющимся во Владивостоке словарям, поэтому разобрала, анатомировала иероглифы. В итоге Сергей Евгеньевич сказал: «Правильно перевела!»

ВГ: Какой была тема вашей первой диссертации?

ТТ: Поэтическое творчество Цзи Кана, но её пришлось сменить на исследование поэзии Юй Синя. Конечно же, собиралась разработать и вопрос о китайском классическом стихоложении. Исследование этой научной

45 Юй Синь 庾信 (513–581). Государственный деятель, ведущий поэт VI в., один из крупнейших литераторов эпохи Шести династий (III–VI вв.). Родился в 513 г. в области Наньян (юг соврем. пров. Хэнань). Согласно жизнеописанию Юй Синя в офиц. Историограф. сочинении «Чжоу шу» («Книга [об эпохе Бэй (Северная)] Чжоу», цз. 41), он происходил из высокопоставленного чиновничьего семейства.

проблемы проводилось впервые у нас в стране. Чудовищно трудно было работать по словарям рифм. Потом, в VIII веке, эти правила стихосложения VI столетия стали законом китайского классического стихосложения. И до сих пор этот закон версификации действует. Я боялась подвести руководителя (были такие случаи в институте, что дописывали свои диссертации уже после аспирантуры, находясь на работе. Например, *Наташа Болсохоева*⁴⁶, она через 10 лет защитила диссертацию. Было обсуждение рукописи моей диссертации, в Москве, в Ленинграде, а потом её отдали в ЛГУ, заведующему кафедрой Евгению Александровичу Серебрякову. И так получилось, что лет пять там она пролежала. Отзывы-то были хорошие в целом, а я извелась во Владивостоке – значит, плохая, если пять лет держали и ничего не говорили! В рукописи, как позже я увидела, были отмечены карандашом 4 или 5 пропущенных мною запятых, других замечаний не было. Но за это время вышла книга Евгения Александровича Серебрякова⁴⁷! Он занимался средневековой китайской поэзией и в его книге были разработанные мною правила китайской версификации. И всё! Моя работа опоздала намного! Я тогда купила в книжном магазине книгу Серебрякова и увидела в ней своё открытие. После этого я заболела! Как раз в это время приезжает из Москвы Семанов В.И. (он приезжал принимать госэкзамены), зашёл и говорит: «Ну-ка, поднимайся, некогда болеть. Ишь ты!» Он меня подбодрил: надо что-то делать! Он взял на себя всю организацию – перевести защиту моей диссертации из Ленинграда в Москву. Вот почему так всё долго затянулось с моей защитой. И там, в Москве, она прошла замечательно, отзывы были хорошие. Оппонировали *Л.Е. Черкасский*⁴⁸ и В.В. Петров.

ВГ: Вы говорили, что учились у Петрова.

ТТ: Виктор Васильевич Петров – тоже мой любимый учитель по китайскому языку и по литературе современной. О нём в Институте востоковедения говорили: 20 минут позора, но потом же книга на всю жизнь остается! Он как никто другой исчеркивал, перечёркивал, внимательно изучал тексты каждой книги. Но все соглашались: лучше дать на оппонирование ему! В общем, защита прошла хорошо, благодаря Владимиру Ивановичу Семанову, который решил все сложные организационные вопросы.

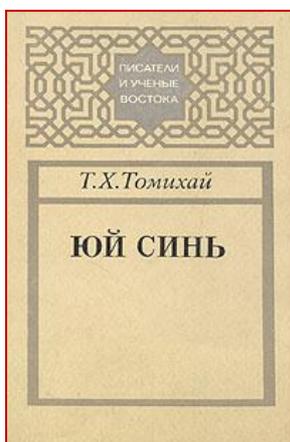
ВГ: Удалось ли издать диссертацию в виде книги?

46 *Болсохоева Наталья Даниловна* (1942 г.р.). Тибетолог, к.ф.н. (1977). Окончила востфак ЛГУ (1967). Сотрудник ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (с 1968).

47 *Серебряков Е.А.* Китайская поэзия X–XI вв.: (Жанры ши и цы). ЛГУ, 1979. 246 с.

48 *Черкасский Леонид Евсеевич* (1925–2003). Критик, литературовед, синолог, поэт-переводчик, доктор филологии (1971). Окончил востфак ВИИЯ (1951). Стажировался в Пекинском университете (1965–1966). Эмигрировал в Израиль.

ТТ: С первой книжкой мне очень помог *Владимир Вячеславович Малявин*⁴⁹. После защиты я написала по диссертации книгу про Юй Синя и приехала в Москву, где нужно было отдать её *Л.З. Эйдлину*⁵⁰. Я жутко его боялась, но не только его. Думаю, ну какая может быть книга у меня?! И я просидела в коридоре, где-то в тёмном уголке, до самого конца рабочего дня. А когда все вышли, закрыли свои кабинеты, я тоже вышла во двор Института востоковедения (а там солнышко было ещё, хорошо мне!) и... ушла со своей рукописью. На следующий день пошла в Музей искусств народов Востока, где мне хорошо было. Иду спокойно по залам, смотрю всё. И вдруг подходит молодой стройный человек! Мы лично не были представлены, но я по конференции знала – это Малявин! Всех знаешь, ведь слушаешь доклады их. И вот Малявин спрашивает: «А вы не написали книгу по диссертации?» Я

говорю: «Написала, но вчера так и не решилась показать её». Он тогда едва ли не за руку взял меня и повёл на второй этаж, где работают сотрудники музея. Подходим к телефону, он звонит кому-то и говорит: «Лариса Филипповна⁵¹, во сколько Томихай завтра к вам подойти, в Издательство восточной литературы?» Я думаю: «Господи, как просто решается!» На 12 часов следующего дня она назначила встречу. Вот таким образом и появилась моя книга «Юй Синь»! Вот такое чудо! Малявин – удивительный человек! Он меня не знал, и я

его лично не знала. Я долго не видела Малявина В.В., и вдруг увидела его фото в Интернете – он стал ещё красивее!

ВГ: С вашего позволения, буду рад передать ему от вас привет!

ТТ: Буду вам очень благодарна! У меня самое нежное и тёплое к нему отношение!

ВГ: В чём состоит особенность творческого наследия Юй Синя?

ТТ: В его литературном наследии, как поэта эпохи Северных и Южных династий (III–VI вв.) чётко прослеживается значимость поэтического слова как гаранта этнической целостности китайского народа. В плане

49 *Малявин Владимир Вячеславович* (1950 г.р.). Востоковед (китаевед), историк, философ, д.и.н. (1988), профессор. Окончил ИСАА МГУ (1972). Преподавал в ИСАА МГУ (1975–1988). Работал в Ин-те этногр. АН СССР (1985–1991). Профессор ун-та Тамкан (Тайвань, 1997–2017). Спец. по древнекит. филос., ист. и духов. культуре Китая.

50 *Эйдлин Лев Залманович* (1909/1910–1985). Китаевед, литературовед, д.ф.н. (1969), профессор (1969). Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1937–1941) и ВИИЯ (1941–1952). Сотрудник ИВ (1944–1957, 1959–1985), ИК АН СССР (1957–1959). Член СП СССР (с 1950). Засл. деят. науки РСФСР (1980).

51 *Керцелли Лариса Филипповна* (1929–2009). Пушкинист, текстолог, прозаик. Печаталась с 1972 г. Окончила Московский полиграфический ин-т.

художественной формы – тоже очень значимый момент – развитие получает лаконичная поэтическая форма «цзюэ цзюй» 絕句 – четверостишие, которая займёт важнейшее место в истории китайской поэзии. В поэтическом наследии Юй Синя разрабатывались правила стихосложения, которые через столетие станут законом китайского классического стихосложения. Вплоть до наших дней эта поэтическая форма пользуется огромной популярностью среди китайских поэтов.

ВГ: Ещё один очень важный вопрос: когда вы впервые побывали в Китае?

ТТ: Я была в Китае не только впервые, а один-единственный раз. Я уже говорила про неблагоприятное начало, когда я не смогла поехать, так как была непартийная. Во второй раз, когда отправляли в Китай, партийный билет уже не был нужен, но, всё равно, я опять «не подошла». Там нужны были какие-то другие отношения. Потом я помогала переводить материалы по нумизматике и по археологии очень многим коллегам, которые ездили в Китай. А мне вот не довелось до 1992 года... У меня же в Китае были друзья! Когда я поступила в университет на 1-й курс, на 5-м курсе учились интересные люди из Китая, которые относились ко мне как к младшей сестрёнке. И я их очень люблю! Многие из них уже ушли из жизни – Хоу Чэн-дэ и Цао Те-цин. Но некоторые ещё живы и продолжают трудиться – Чжан Чунь-нянь, Чэнь Ци-нэн из китайской Академии общественных наук. Это кристальной чистоты люди! Я с разными китайцами встречалась, но это действительно кристальной чистоты люди. И вот в 1992 году они меня пригласили в Китай. Пригласили не только меня, но и свою однокурсницу Ирину Николаевну Олегину. Эти китайцы учились вместе Ириной Николаевной и переписывали у неё конспекты лекций. А мама Ирины Николаевны кормила и поила их в Ленинграде, поэтому они сохранили очень тёплое отношение к Ирине и пригласили нас вместе. Мы с Ириной Николаевной провели в Китае три недели, жили в Пекине, летали в Сычуань, в город Чэнду, а потом и в Циндао. Так что я побывала на родине *Ли Бо*⁵², одного из моих любимейших поэтов – он из тех краёв. Впечатление у меня было потрясающее! Когда я вышла в Пекине с вокзала на улицу, для меня была такая неожиданность – многолюдье! И по улицам идёшь – многолюдье! Там китайцы ходили даже, держась рукой за машину, и машины идут медленно. Это меня удивляло, поражало. В Пекине мы увиделись с Лю Дао-

52 *Ли Бо* 李白 (Ли Бай или Ли Тай-бо, 李太白, 701–762/763 г.). Поэт эпохи Тан. Известный как «бессмертный в поэзии» (кит. 詩仙). Один из самых почитаемых поэтов в истории кит. литературы, имя которого ставят один ряд с именами Данте и Петрарки, Низами и Фирдоуси, Пушкина и Шекспира. Оставил после себя ок. 1100 произведений (в т.ч. ок. 900 стихотворений).

цзунем, бывшим консулом и атташе по культуре, с которым мне довелось работать в Петербурге. Он повёл меня в парк, даже не помню какой, и только там было «по-европейски» мало людей. Потом наши друзья из Академии наук организовали нам визит в Академию, а в Сычуани – на какой-то химический завод. Китайские друзья сопровождали нас в поездке в провинцию Сычуань и заботились о нас. Их забота и внимание меня поразили. Наша программа была насыщена до предела – всё расписано! Кто-то из китайцев попросил меня помочь какую-то работу сделать. Ну, я помогла. Совершенно незнакомый человек потом пришёл в гостиницу и спрашивает: «А что вы хотите?» Я говорю: «Я? Учебник по японскому языку с кассетами!» Потому что в Ленинграде я переработала все учебники по японскому языку. Через некоторое время прихожу в гостиницу – а там меня уже ждёт двухтомный учебник с кассетами! Так я смогла приблизить в Китае и другую свою мечту – сопровождать японцев по музеям города. Однажды несколько японцев попросили провести экскурсию по Эрмитажу на пять часов. Я думаю: «Боже мой, китайцы за полтора часа осматривают весь

Эрмитаж!» Через пять часов мы вышли из Египетского зала. Один японец смотрит на часы и говорит: «О, у нас ещё 15 минут!» Они рассмеялись: «Так что, мы вернёмся?» Это было летом – жара невыносимая! Вот такие японцы и китайцы – даже здесь они разные.

ВГ: Доводилось ли вам сотрудничать с китайскими учёными?

ТТ: Да. Известный китайский переводчик, *Гу Юй*⁵³ неоднократно ко мне обращался за помощью редактировать переводы. В первый раз это было, по-моему, в 1986 или 1987 году, или попозже немножечко. Приходит какой-то незнакомец с открыточкой от друзей друзей моих друзей. Я тогда же помогла перевести тексты, опубликовать их. Мало того, он сказал, что хочет вести платные занятия по «тайцзи». Я, конечно, повела в Эрмитаж, где тоже работала, преподавала сотрудникам китайский язык. Там тогда очень много записалось людей – китаец, цигун ведёт! И я в самом конце там встала, потому что мне тоже хотелось. Повторяла всё то, что он показывал, но смущалась, стеснялась. По-моему, на второй раз он сказал: «Знаешь, ты не приходи на занятия!» Почему он так сказал, я так и не знаю до сих пор.

53 *Гу Юй* 谷羽 (1950 г.р.). Русист, переводчик. Профессор Нанькайского университета (Тяньцзинь, КНР).

ВГ: Как часто вы помогали китайцам с редактированием переводов?

ТТ: Я много помогала китайцам переводить здесь их материалы. Виктор Васильевич Петров, кстати, говорил, что переводить нужно обязательно вместе – чтобы была представлена и китайская, и русская сторона. И я в этом убедилась, когда переводила на китайский язык альбомы по Эрмитажу. Когда вышли в свет путеводители Соколовой и Шапиро по Эрмитажу⁵⁴, я их перевела на китайский. Для меня было очень трудно переводить с китайского на русский. Но с русского на китайский – в тысячу раз труднее! Господи, как это было мне трудно! Так было трудно! Тогда ещё у нас не было никаких книг на китайском языке по Петербургу. И как раз в то время я четырежды сопровождала по Эрмитажу китайского консула Лю Дао-цзуня с его женой. Ежедневно по четвергам, после рабочего дня, петербуржцам можно было смотреть Эрмитаж. Там была спокойная и тихая обстановка, удобно беседовать. Когда Лю Дао-цзунь узнал, что я перевела на китайский альбом «Эрмитаж», сказал: «Пусть моя жена отредактирует!» Я говорю: «Как-то неловко». А он: «Ловко! По воскресеньям будешь приходить к нам на улицу Ефимова, и пусть она тоже переводит, нечего бездельничать!» Поразительным было то, что он – необыкновенной красоты человек, а его жена обладала красотой «деревенской» женщины. Но у неё было столько обаяния! Я спрашивала себя, почему они поженились? А потом поняла – она необыкновенно жизнерадостная! Мало того, ещё и с характером. Обычно я приходила к ним редактировать мой перевод «Эрмитажа» на китайский язык, чтобы книгу сделать, в 10 утра. Но однажды в воскресенье пришла без одной минуты 10. Лю Дао-цзунь ещё не успел снять передник и убрать из комнаты пылесос. В этот момент жена говорит ему из другой комнаты: «Дао-цзунь! Мы сейчас будем с Томихай работать, а ты приготовь нам хороший обед!» Он был в полном «подчинении»! Но я поняла и то, что у неё удивительное обаяние и что они обожают друг друга!..

ВГ: Удалось ли издать ваш перевод в виде книги?

ТТ: К сожалению, нет. Когда я завершила перевод (опять же, тогда не было никакой копировальной техники), я отнесла его в издательство «Аврора» – так мне подсказали. Директор издательства обрадовалась и говорит: «Мы обогатимся! И город наш, и я, и вы!» Я отвечаю: «Хорошо». В общем, директор была в приподнятом настроении, сразу вызвала бухгалтера. Я думаю: «Это ж надо, как быстро решается вопрос!» ... И в это время в

54 Соколова Т.М. Здания и залы Эрмитажа: альбом. Ленинград: Искусство, 1982; Шапиро Ю.Г. Эрмитаж. По выставкам и залам: путеводитель. Ленинград: Искусство, 1983.

«Аврору» заходит некий человек, *Егоров*⁵⁵ его фамилия. Я имени даже не знаю, только видела его один раз в «Доме книги», на последнем этаже. Он занимался китайской литературой. Я думаю: значит, знакомый. Этот Егоров сказал: «Я еду в Пекин, отвезу туда вашу рукопись, а «Аврора» даст все нужные фотографии». Мы все обрадовались, а он говорит: «Через две недели я вернусь». Прошло две недели – никакого звонка, ничего нет. Тут мне уже из «Авроры» звонят и советуют – так позвоните сами! Я звонка не дождалась, позвонила ему сама, а Егоров говорит: «Я потерял вашу рукопись!» И положил трубку. Вот так это дело закончилось печально.

ВГ: У вас был всего один экземпляр, и вы отдали его?

ТТ: Один экземпляр. Отдала, так как он сказал, что очень торопится и завтра он улетает в Пекин. Делать второй экземпляр не было времени... Я была рада, что представился случай опубликовать путеводитель по Эрмитажу на китайском языке. В то время приезжало очень много китайских туристов, и моя книга появится весьма кстати. И каждый китайский турист сможет увезти на Родину мой путеводитель. К сожалению, моей мечте не суждено было осуществиться. Мой титанический труд по переводу путеводителя пропал в Китае, как сказал мне Егоров по телефону. А потом Егоров положил трубку, и всё на этом. Ну, а что я буду делать? Где-то через месяц или два я купила в киоске книгу «Эрмитаж» в переводе на китайский. Хорошо издано всё. И мой сын, немножечко издеваясь, сказал: «Ну что, купила свою книгу?» Вот так вот. Обидно!

ВГ: Значит, они всё-таки издали? Просто украли перевод?

ТТ: Наверное. Я потом, кажется, увидела в интернете фотографию Егорова Игоря Александровича который в 1987–1994 гг. занимал должность редактора и заведующего редакцией в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература», которому я и передала свою рукопись путеводителя по Эрмитажу на китайском. Он занимался переводом современной китайской прозы, книг по религии, научной литературы и занимался путеводителями на китайском. Ну, это ни к чему сейчас вспоминать. Конечно же, очень жаль затраченного труда по переводу с русского на китайский. Тем более, что мой перевод был отредактирован специалистом высокого класса – преподавателем университета в Пекине для иностранных студентов. Я с благодарностью вспоминаю эту совместную работу над текстом. Как прав был мой учитель Виктор Васильевич Петров,

⁵⁵ *Егоров Игорь Александрович* (1953 г.р.). Китаист, переводчик с кит. и англ. языков. Окончил востфак СПбГУ (1980). Переводил с кит. и англ. худож. и научную литературу, книги по культурологической тематике, религии, философии и эзотерике, а также альбомы по искусству и путеводители.

когда говорил о важности совместной работы! Моя редактор (к огромному сожалению, сейчас не могу вспомнить имя), жена консула по культуре Лю Дао-цзуня внесла огромное количество поправок в мой перевод. Она говорила: «У тебя по грамматике правильный перевод, но китайцы так не говорят». И она текст мой «испепелила», замечательно отредактировала его. Потом ещё, не так давно, ко мне обратился Музей-институт «Семьи Рерихов»⁵⁶. Сотрудники Института археологии в Сиане перевели на китайский язык около 1000 страниц, материалы о *Н.К. Рерихе*⁵⁷, и прислали свой перевод (естественно, так положено) в Музей-институт, директор которого, Бондаренко Алексей Анатольевич, попросил меня посмотреть, насколько правильно переведено. Я попросила прислать бумажный вариант (у меня техника не совсем та), они привезли мне около 1000 страниц в распечатанном виде, и я начала всё это делать. Думала – тут конца не будет, а потом смотрю – очень хороший перевод сделан. Очень хорошо Институт археологии в Сиане перевёл! Но когда я заглянула в конец текста, там обнаружила много неточностей, ошибок, в разделе материалов, касающихся названий документов, фамилий и так далее. Очень много! Вот эту работу я тоже проделала, и Алексей Анатольевич был очень рад, сказал: «Спасибо Вам большое от всего института!» Так что я была очень рада помочь им.

ВГ: Значит, «за спасибо» на них поработали?

ТТ: Да, «за спасибо». Но там речь не шла о деньгах. Никто это не оговаривал.

ВГ: Но это следовало сделать! Они должны были заплатить сами, «по умолчанию».

ТТ: Вы знаете, им всегда не хватает средств на ремонт музея-института, и всё такое...

ВГ: Китайским археологам не хватает?

ТТ: Нет, музею-институту семьи Рерихов в Петербурге. Это они попросили меня прочитать, отредактировать текст материалов конференции, переведенный на китайский институтом археологии в Сиане. Через какое-то время замдиректора музея пригласил меня прочесть у них курс лекций по китайской и японской поэзии. Я была рада! Увлелась этой работой, и теперь уже под другим углом зрения

56 Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов: <https://sibro.ru/friends/petersburg.php>

57 *Рерих Николай Константинович* (1874–1947). Художник, писатель, поэт, философ, крупный деятель искусства, археолог, путешественник, предприниматель, общественный деятель.

отношусь к Николаю Константиновичу и к его сыновьям, к его работам. В Москве, кстати, когда я смотрела выставку работ Рериха, я входила в это чудо и могла выйти. Теперь же можно было посмотреть по-другому. И думаю – каким образом? А потом поняла. Рерих же безумно любил Японию и Китай! Они проходили, проезжали, жили там, и это не могло не повлиять на меня. И я с чистой совестью увлеклась, прочла эти лекции, хотя была уже очень-очень больной, даже держалась за стол, чтобы не упасть. Музей даже оплачивал лекции.

ВГ: Но это совсем другая работа, за неё и следовало платить отдельно. Какие книги и статьи по китайской литературе и Китаю вышли у вас в Петербурге?

ТТ: К сожалению, с публикациями у меня более чем скромно. Вышли «Юй Синь», книжка «Учим китайский вместе с мамой» и путешествие в мир китайской классической поэзии под названием «В сердце моём осени свет», дважды переизданная в 2016 и 2017 годах.

ВГ: Вы уже не преподаёте?

ТТ: Когда я ушла на пенсию, я подумала: «Господи, как же я буду жить без работы?» Но я сама ушла из Герценовского университета⁵⁸, потому что заведующая, которой я очень помогла, отдала написанные мною программы по древнекитайскому языку кому-то другому, какому-то молодому человеку. Я точно помню, что в 4 часа ночи отправила заведующей программу по древнекитайскому, как она меня просила, иначе «её не утвердят на должность»... Я почти никогда не обижаюсь. Вернее, обида бывает, но я быстро отхожу. Но здесь я подала заявление, это уже было выше моих сил! И вовремя... Сейчас у меня даже ещё больше не хватает времени, нежели раньше. Я решила писать статьи о китайской и японской поэзии. В «Общество и государство» и «Теоретические проблемы» в Ленинграде нас раньше регулярно принимали. А в Герценовском университете принимали для публикации всего две-три страницы. И вдруг меня зовёт «Апраксин блюз» – это такой просветительский журнал в Калифорнии. Его там организовала одна петербурженка. Вернее, она ещё в Петербурге начала издавать альманах, потом уехала в Америку, и теперь этот журнал читают русские и за рубежом. Ведь они живут и в Тель-Авиве, и во Франции, и где только не живут! По отзывам читателей я поняла, что русскую литературу читают в самых разных странах. Так вот, этот журнал «Апраксин Блюз»

58 *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена* (РГПУ им. А. И. Герцена, Герценовский университет). Один из ведущих педагогических вузов РФ. (основан в 1897). Прежние названия: Петербургский Воспитательный дом (до 1918), Третий Петроградский педагогический институт (до 1923), Ленинградский госуд. пед. институт им. А.И. Герцена (до 1991), РГПУ им. А.И. Герцена (с 2015).

предложил мне опубликовать на своих страницах мои статьи по китайской или японской тематике. Я спросила: «А на сколько страниц можно написать?» – «А сколько хотите!» И опубликовали не две страницы, а по 28 страниц. При этом главная редактор альманаха сказала, что мои статьи, придают её альманаху восточную изюминку.

Александр Тихо

В ВОРОТАХ

50

ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ. ХАЙКУ МАЦУО БАСЁ

Тамара Томихай, СПб

ВОИИ СВЕТА

...В один ветренный день, когда, казалось, можно куда-то улететь на зонтике, мы ходили на выставку в Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, попросту – в Артиллерийский. Те, кто ориентируется в топографии Петербурга, легко оценят целеустремлённость нашего поступка, потому что с Невы налетали порывы безумного ветра, вода в Кронверкском

В Петербурге, кроме Герценовского университета, мои статьи печатали в Библиотеке Академии Наук, и где-то там ещё. Сейчас вылетело у меня из головы, но мало где. Правда, каждая статья отнимала силы – почему и позвоночник у меня вышел из строя, глаза и так далее. Я даже боялась, что не доживу до конца, но работу эту нужно было закончить любой ценой, потому что это моя позиция – свою работу нужно закончить! Ещё во время работы над статьями для калифорнийского альманаха я вдруг решила написать книжечку о поэзии эпохи Тан. Но Танская поэзия – она же не на голом месте родилась, поэтому я пошла вглубь, в более древние времена. Вот, например, Цюй Юань⁵⁹ – первый поэт, и у него такая отточенность! Но и это ведь тоже не на пустом месте возникло, поэтому я была вынуждена уйти в фольклор, в «Книгу песен» «Ши цзин»⁶⁰. А потом решила посмотреть, что было после Танской поэзии. Так постепенно расширяла хронологический диапазон, чтобы можно было проследить то новое, что появлялось в форме и в содержании китайской поэзии. Позже я дополнила текст книги стихами, написанными женщинами, переведёнными М.И. Басмановым⁶¹ –

59 Цюй Юань 屈原 (второе имя Цюй Пин 屈平, ок. 340–278 до н. э.) Первый известный лирический поэт в истории Китая эпохи Воюющих Царств. Его образ стал одним из символов патриотизма в кит. культуре. День, когда Цюй Юань покончил с собой, бросившись в воды реки, (день Дуань-у по кит. календарю) отмечается и в наши дни под названием Праздник Драконьих лодок.

60 «Ши-цзин» 詩經 («Книга песен») – один из классических памятников кит. литературы, уникальный источник информации о языке, идеологии, этике и традициях различных регионов древнего Китая, сопоставимый по значимости и стилистике с древнеиранской Авестой. Включен в каноническое «пятикнижие» конфуцианских текстов У-цзин.

61 Басманов Михаил Иванович (1918–2006). Китаевед, дипломат, поэт и переводчик. Окончил филфак ГПИ (Орджоникидзе, 1941) и ВДШ МИД СССР (1949). Сотрудник МИД

удивительным человеком! Ещё у меня в этой книге было Предисловие страниц на 50 с хвостиком – я решила, что нужно хоть немножко представить тех, кто переводил китайские стихи. Это и не знавший китайский язык Александр Ильич Гитович, и те, кто знал китайский: М.И. Басманов, Л.Е. Черкасский. У Л.З. Эйдлина есть замечательные переводы. Я с грустью обратила внимание на то, что мы ничего не знаем о людях, которые сделали древнюю китайскую поэзию достоянием русской культуры. Мы ничего не знаем о них. Вот, например, имена *А.А. Штукина*⁶² и *Ю.К. Шуцко*⁶³, для многих – только фамилии и инициалы. А ведь они посвятили жизнь избранному делу. Судьба нашего китаеведения печальна! Особенно пострадали самые лучшие, самые сильные специалисты. И я решила хоть немножечко о них написать. Сама о Штукине Алексее Александровиче ничего не знала, кроме того, что он много раз был в заключении. Поискала-поискала, а когда увидела где-то совсем крошечный портрет Штукина, я была поражена. Ну какой же он «враг народа»?! Исключительно уточненное интеллигентное лицо. Но его сделали «врагом народа» и трижды судили! В последний раз из Норильска он уже вернулся совсем больной. И если бы не *Н.И. Конрад*⁶⁴, его «Ши цзин» так и не вышел бы. Как можно в тюрьмах сделать перевод этой книги, я не знаю! В общем, в своей книге я написала о каждом из них, в том числе и о Гитовиче. Вот такая судьба у наших коллег, начиная с основателя российской синологии – *Никиты Яковлевича Бичурина*⁶⁵.

СССР (1945–1985). Чрезв. и Полном. Посланник (1966). Член СП СССР (с 1978). Специалист по китайской классической поэзии.

62 *Штукин Алексей Александрович* (1904–1964). Китаевед. Окончил востфак ЛГУ (2015). Работал в биб-ке ЛГУ и ЛИЖВЯ (1924–1925). Преподавал в ЛВИ и ЛИФЛИ (1925 и с 1928). Сотрудник КУТК (1925–1928), кит. кабин. ИВ АН СССР (с 1935). Переводчик древ. и соврем. кит. лит-ры, в т.ч. «Правдивой истории А-Кью» Лу Синя (изд. в 1929) и «*Ши-цзин*» («Книга песен», изд. в 1957). Репрессирован, узник ГУЛАГа (1938–1946). Вновь арестован, сослан в Норильск (1949). После освобожд. (1954) недолго преподавал в ЛГУ.

63 *Шуцкий Юлиан Константинович* (1897–1938). Востоковед, философ, филолог, переводчик. Профессор (1935), д.ф.н. (1937). Кандидат языкознания (1935, без защиты). Окончил ЛГУ (1922). Сотрудник Гос. Эрмитажа (1936–1937). Жертва репрессий. Реабилитирован посмертно. Автор перевода кит. классич. «Книги перемен» (*И цзин*).

64 *Конрад Николай Иосифович* (1891–1970). Востоковед, японист и китаевед, д.ф.н. (1934, без защ.), профессор (1926), академик АН СССР (1958). Лауреат Госпремии СССР (1972). Окончил кит.-яп. отдел. Петерб. ун-та (1912). Учился в Японии (1914–1917). Сотрудник ИВ АН СССР (1931–1970). Профессор МИВ (1941–1950). Иссл. ист. эстетики, лит-ры и театра стран ЮВА, проблемы вост. яз., теории ист. процесса, филос. компаративистики. Арестован за «измену Родине» (1938), осуждён на 5 лет закл., освобождён в сент. 1941 г.

65 *Иакинф* (в миру *Бичурин Никита Яковлевич*, 1777–1853). Архимандрит Русской православной церкви (1802–1823); востоковед и путешественник, знаток кит.о языка, один из основоположников рос. синологии, первый китаевед, получивший общеевропейскую известность.

ВГ: Занимаетесь ли вы сейчас чтением лекций?

ТТ: Знаете, что я ещё делаю? Раз уж меня зовут читать лекции по китайской и японской поэзии, я прошла с этими лекциями по всем библиотекам города! Так я познакомилась с Ленинградскими библиотеками, обычно они расположены в замечательных зданиях, в особняках. У меня всегда было благоговейное отношение к ним. Судя по лицам слушателей – приходит и очень много пожилых, и молодых людей. Примерно поровну тех и других. И все просят прийти ещё раз! Знаете, где была одна из последних моих лекций? В Приютино⁶⁶! Это дачный дом Олениных, недалеко от Петербурга, километров 50, наверное. Во время блокады Ленинграда именно в этом направлении шла «Дорога жизни». Когда я впервые приехала и побывала в этом музее, там был какой-то концерт. Меня снова пригласили туда читать лекции по китайской поэзии. Я говорю: «Как-то неловко! Такой дом, где бывали Пушкин, Крылов и так далее». Потом, когда вернулась домой, чтобы ответить им, я подумала: так ведь все они имеют отношение к Китаю! Бичурин-то приглашал Пушкина вместе поехать в Китай! Даже такое было!.. А когда я узнала, что там бывал и *Вильгельм фон Гумбольдт*⁶⁷, так поняла – сам Бог велел мне читать там лекцию про китайскую литературу!..

ВГ: И Гумбольдт тоже там бывал?

ТТ: Да. Он часто был в гостях в доме Олениных. Там собиралось много людей. И Крылов там годами гостил. Он любил покушать... Пушкин там часто бывал! Чудесный дом! Это был последний убедительный факт в пользу того, что я имею моральное право прочесть там лекцию. В том доме были те, кто принял активное участие в судьбе Бичурина, написали Николаю I прошение об его освобождении из монастырской ссылки на Валааме⁶⁸. Все они были в курсе событий и выбрали тех, к кому Государь относился благосклонно. И через пару дней был дан Высочайший ответ: «Освободить!» Думаю, Бичурину было что делать и в монастыре. Ведь он привёз книги и рукописи на 15-ти верблюдах, и кроме него никто не мог обрабатывать эту литературу. Но, конечно, лучше не в тюрьме обрабатывать её! Ещё через

66 *Литературно-художественный музей-усадьба «Приютино»*. Владение 1-го директора Публичной биб-ки, президента Академии художеств А.Н. Оленина, одна из немногих сохранившихся усадеб 1-й пол. XIX в. под Петербургом, микрорайон г. Всеволожка Ленинградской обл. (с 1963).

67 *Вильгельм фон Гумбольдт (Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt, 1767–1835)*. Нем. филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат.

68 Ссылка Иакинфа Бичурина длилась три года и два месяца: с 25.08.1823 по 1.11.1826.

четыре дня освобожденному Бичурину предложили место в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел... Так что музей «Приютино» тоже имеет отношение к китаеведению! Я даже подсказала одной сотруднице музея тему статьи, которую можно написать, и она была очень рада! Я ещё дважды была в Приютино, и мне хочется снова побывать там летом...

А с Гумбольдтом – так это вообще чудеса!.. В Калифорнийском альманахе я написала статью: «Китайский язык, некоторые странички изучения языка»⁶⁹. И почему я это сделала? Сейчас в программах университетов, к огромному сожалению, классике уделяется совсем недостойное место, её почти нет. Сначала я опубликовала эту статью не в российском, а в калифорнийском журнале, благо – на русском языке. Я написала, начиная от Бичурина, основателя российского китаеведения, и заканчивая Чжао Юань-жэнем⁷⁰ (этот американец китайского происхождения вообще перевернул языкознание с ног на голову, так как до сих пор учёные не включали в языкознание китайский язык. А ведь на китайском каждый 4-й человек на Земле говорит). Я отметила то, что они внесли в изучение китайского языка. Там были Марко Поло⁷¹, Маттео Риччи⁷², Анри Масперо⁷³, Шаванн⁷⁴, Вильгельм фон Гумбольдт, шведский

69 *Томихай Т.* Китайский язык. Некоторые странички истории изучения. // Петербургская библиотечная школа. 2014, №1(45). С. 20-30.

70 *Чжао Юань-жэнь 趙元任* (1892–1982). Китайско-американский лингвист. Полиглот. Его называют родоначальником современного китайского языкознания.

71 *Марко Поло* (итал. Marco Polo; 1254–1324). Венецианский купец и путешественник. Представил историю своего путешествия по Азии в знаменитой «Книге о разнообразии мира». Она служит ценным источником знаний по географии, этнографии, истории Армении, Ирана, Китая, Казахстана, Монголии, Индии, Индонезии и др. стран в средние века и оказала влияние на мореплавателей, картографов, писателей XIV–XVI вв.

72 *Маттео Риччи (Matteo Ricci)*, кит. имя *Ли Ма-доу 利瑪竇*, 1552–1610). Итал. (португ.-?) миссионер-иезуит, математик, астроном, картограф и переводчик. Провёл последние 30 лет своей жизни в Китае, положив начало иезуитской миссии в Пекине. Ист. значение его деятельности состоит в установлении постоянных культурных контактов между христианской Европой и замкнутым кит. обществом.

73 *Анри Поль Гастон Масперо* (фр. Henri Paul Gaston Maspero; 1883–1945). Франц. синолог, профессор. Внёс вклад в различные темы научных исследований Вост. Азии. Наиболее известен как первый европейский исследователь даосизма.

74 *Эдуар Шаванн*, полное имя *Эмманюэль Эдуар Шаванн* (фр. Emmanuel Édouard Chavannes; кит. 沙畹); (1865–1918). Франц. археолог и синолог, эксперт по кит. истории и религии, профессор Коллеж де Франс (с 1893). Известен как первый переводчик Сыма Цяня на франц. яз. (перевёл 47 глав из 130, составляющих «Исторические записки»). Перевод переиздан ЮНЕСКО в 1960-е гг.

учёный *Бернхард Карлгрэн*⁷⁵ и Чжао Юань-чжэнь. Потом я задумалась, а как же назвать эту статью? Какова её цель? И тогда я поняла, сделала такой вывод: импульс, толчок развитию науки дают ошибки великих! Ведь, с точки зрения китайцев, Гумбольдт оскорбил китайский язык! Этот великий специалист в области языкознания вдруг обозвал китайский язык архаичным! Я там пишу: да, Гумбольдт прав, китайский – действительно архаичный. Но на этом языке написаны сочинения по истории, философии, каллиграфии, поэзии, живописи. Какой же он архаичный? По Гумбольдту отсталый. И это так задело самолюбие китайцев. А потом Бернхард Карлгрэн, который, кстати, изучал китайский в Петербургском университете, написал одну удивительную статью и назвал её: «Протокитайский язык флективный?!» – восклицательный знак! Но это так задело китайцев, что там началось!.. Китайцы – спокойные, им это неважно, им не так нужна грамматика. Она у них разбросана в трактатах географических, в словарях, и где только не разбросана! Более того, в 1898 году *Ма Цзянь-чжун*⁷⁶ написал теоретическую грамматику китайского языка. Как и Чжао Юань-жэнь, Ма провёл в Европе десять лет, изучал европейские языки, и там он задался вопросом: как европейцам изучать китайский? Они в ужасе! Кстати, когда я читала первые древнекитайские тексты и когда преподавала студентам, я тоже спросила своих учителей: «А что делать, если я не знаю, как там перевести?» На что получила ответ: «Так и скажи, что не знаешь, что ты подумаешь и, может быть, ответишь потом!» Так и Ма Цзянь-жун, когда узнал, что для всех европейских языков есть свои грамматики, пришёл к мысли, что нужно иметь и специальный учебник грамматики, чтобы изучать китайский. Но за это на него так ополчились на родине! И, самое главное – все эти публикации разбудили мыслительно-научное «болото», и закипела жизнь как среди европейцев, так и среди китайцев. А Чжао Юань-чжэнь уехал из Китая в 30 лет и, по-моему, не так давно ушёл из жизни земной. Он освоил несколько европейских языков, биологию, астрономию, музыку, хореографию. И всё это, в комплексе, позволило ему выделить тему топики и комментария! Я была поражена его выводами, я же сама не занимаюсь этими проблемами, я только читаю нашу литературу по проблемам грамматики. Я узнала много из

75 *Бернхард Карлгрэн* (швед. *Klas Bernhard Johannes Karlgren*; кит. 高本漢, 1889–1978). Швед. синолог-лингвист, известный работами в области грамматики и фонетики древнекитайского языка.

76 *Ма Цзянь-чжун* 馬建忠 (1845–1900). Сановник и учёный в империи Цин. Автор 馬氏文通 «Основные принципы письма господина Ма», 1898) – первого учебника кит. грамматики, написанного китайцем. Считается основоположником грамматической науки в Китае. Первый китаец, получивший на Западе степень бакалавра, а в 1879 г. – диплом юриста (*license de droit*) в *École Libre des Sciences Politiques* в Париже.

учебников *Тань Ао-шуан*⁷⁷ и *Карапетьянца*⁷⁸, *Хуан Шу-ин*⁷⁹ и *М.В. Крюкова*⁸⁰. Когда Михаил Васильевич написал свою грамматику по древнекитайскому – это было моё спасение и огромная помощь в преподавании студентам древних текстов.

ВГ: Вы имеете в виду учебник «Древнекитайский язык»⁸¹?

ТТ: Да. Это было вообще спасение! Я, кстати, с Михаилом Васильевичем тоже знакома, но немножечко странно. Он подошёл ко мне на конференции и говорит: «Томихай, я приглашаю вас в гости!» Я-то знаю, кто такой М.В. Крюков, но лично-то мы не знакомы! Уже у себя дома Михаил Васильевич достаёт с полок словари «Цьюань» и «Цыхай» и спрашивает: «У вас нет таких?» Я отвечаю: «Цьюань» у меня есть, а «Цыхай» – нет. Тогда он дал мне «Цыхай» и говорит: «А, раз есть, тогда «Цьюань» я вам дарить не буду!» Когда я позже рассказала об этом во Владивостоке студентам в группе, они говорят (Коля Абаев или ещё кто-то, не помню): «Тамара Хинчевна, но мы же у вас есть!» Но я тогда отказалась от словаря, даже и мысли в голову не пришло, что можно грабить человека. Вот так я побывала в гостях у этого удивительно красивого человека!..

А не так давно, наверное, года два или 2,5 назад, я познакомилась с капитаном Арктики и Антарктики, героем Советского Союза Валентином Филипповичем Родченко – он был капитаном научно-исследовательского судна «Михаил Сомов». Когда однажды я была в гостях у него, к нему зашёл его друг (к сожалению, я совершенно не знаю его имени!). Этот друг,

77 *Тань Ао-шуан* 譚傲霜 (1931–2017). Китаевед, д.ф.н. (1995), профессор (2000). Окончила филфак Пекинского ун-та (1954). Преподаватель ИСАА МГУ (с 1966). Почёт. профессор Пед. ун-та Центр. Китая (1999). Член правл. Всемир. ассоц. преподав. кит. яз. Супруга А.М. Карапетьянца.

78 *Карапетьянец* Артемий Михайлович (1943 г.р.) Китаевед, д.ф.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА МГУ. Супруг Тань Ао-шуан (1931–2017).

79 *Хуан Шу-ин* 黃淑英 (1933 г.р.). Китаевед-филолог. Родилась в Пекине. С 1949 г. служила в НОАК. Училась в Пекин. пединституте и МГУ. Преподавала кит. яз. в ИСАА МГУ (1967–1997). Соавтор неск. учебников кит. и древнекит. яз., подготовленных совм. с Т.П. Задоевко и М.В. Крюковым. Супруга китаеведа М.В. Крюкова, мать китаеведа В.М. Крюкова.

80 *Крюков Михаил Васильевич* (1932 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1972), профессор, академик Европ. акад., почёт. член Брит. корол. антрополог. ин-та. Сотрудник ИВ (1955–1957), Ин-та этногр. АН СССР (1962–2002), ИДВ РАН (2002–2004), профессор Тамкан. ун-та (Тайвань, 1993–2002). Окончил МГИМО МИД СССР (1955), истфак Пекин. ун-та (1962), Иссл. древ. ист. Китая, этнич. ист. Китая, ист. сов.-кит. отн., кит. археол. и эпиграфику. Соавтор шести моногр. по ист. кит. этноса и учебника *Крюков М.В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык*. М.: ГРВЛ, 1978. 512 с.

81 *Древнекитайский язык: тексты, грамматика, лексический комментарий; Крюков М.В.; Хуан Шу-Ин*; Изд-во: М.: Наука, 1978. 512 с.

который жил в том же доме, на Сиреневом бульваре, сходил домой, принёс книги по китайскому языку и говорит: «Это Миша Крюков мне дарил, мне-то они не нужны!» Представляете, как пути людей пересекаются!..

ВГ: Так много интересных тем находятся в поле вашего внимания. Какую тему по Китаю вы считаете самой важной для себя лично?

ТТ: Считаю, что это литература и поэзия. Я действительно обожаю и люблю поэзию. Но, к сожалению или не к сожалению – только классику. Когда я попросила (от полного отчаяния) у директора Института Конфуция при восточном факультете помочь оплатить типографские расходы за книгу о китайской классической поэзии, *А.А. Родионов*⁸² сказал: «Если я вам дам необходимую сумму, я же по шапке получу, потому что у меня указание – деньги только на современную литературу! И он, Алексей, подарил мне много книг, которые они издают. Я заставляла себя прочитать, но более двух-трёх рассказов прочесть не могла, мне было неинтересно! Ну что я поделаю, неинтересно! И они лежат у меня, эти подарки непрочитанные.

ВГ: Выходит, с Институтом Конфуция сотрудничество не сложилось.

ТТ: Я поняла, что это был вежливый отказ. А знаете, кто мне подарил денежку эту? Директор международной школы, где я преподавала английский детям из Японии и Китая, а детей из Чехии, Франции, США обучала японскому и китайскому. Она говорит: «Я вам найду спонсора!» А я спрашиваю: «Да где же его найти?» Но она сказала: «Я найду!» Тогда к ней просто так зашла, она меня помнит до сих пор. И вдруг она, Лилия Бронеславовна Лаптева, звонит мне на следующий день: «Зайдите ко мне в кабинет!» Я прихожу в назначенное время, она обнимает меня, достаёт конвертик и говорит: «Вот вам 120 тысяч на типографию!» А я говорю ей: «Надо 110!» Ну, раз мне сказали 110, значит, 110!.. Я беру деньги и спрашиваю: «А на каких условиях?» Она говорит: «Ни на каких! Это я тебе лично дарю!» Я думаю: «Боже мой, такую сумму она мне дарит!» И поэтому я теперь налево и направо раздариваю свои книги! Уже 400 экземпляров подарила, осталось 500. А я же не умею продавать! Звонила в Дом книги... Но сейчас ходить очень трудно из-за болезни, а в Доме книги сказали: когда выздоровеете, тогда принесёте!.. Кроме литературы и поэзии, самое главное, может быть, ещё и то, что я в книге дала краткие биографические справки любимых и уважаемых мною переводчиков. И ещё я считаю очень важным в моей книге оригинальные тексты к переведённым стихам. Интернет помог мне осуществить мою мечту: студенты, читатели могут любоваться и

82 *Родионов Алексей Анатольевич* (1975 г.р.). Китаевед, к.ф.н. (2001), доцент, преподаватель СПбГУ (с 1998). Окончил фак-т ин. яз. Благовещ. гос. пед. ун-та (1997). Иссл. ист. кит. лит-ры XX в., рос.-кит. лит. связей.

графическим изображением стиха – иероглифами. На тот момент издание на двух языках было первым в Санкт-Петербурге. Для чего я это сделала? Такое издание давало возможность студентам и преподавателям учиться мастерству перевода. Этот драгоценный опыт очень полезен и для китайских переводчиков, в чём я убедилась, когда приходилось редактировать переводы китайских коллег. Я благодарна своей китайской знакомой, специалисту по иглотерапии Ван Шао-чунь, которая помогла мне найти ссылку на китайский поэтический сайт. Теперь я могла погрузиться в океан китайской поэзии и найти необходимые мне тексты. Боже мой!

ВГ: Там всё есть!

ТТ: Тысячи стихов! И теперь появилась для меня новая сложнейшая работа, выбрать из этих тысяч и тысяч стихов то, что мне нужно для моей книжечки. Тут снова стал подводить мой позвоночник. Я думаю: только бы успеть! Только бы успеть закончить работу! Ведь получается, что избранным стихам я дала вторую жизнь. Переводы выполнены тщательно, и многие – очень хорошие. А современные переводы – это какой-то кошмар! Бывает, вижу – прекрасно издана книга. Купил одну такую мой знакомый и показывает. А я смотрю и думаю: «О, Боже!» Переводчик просто берёт первое слово из словаря, и ставит в стих китайский. Можете представить, что получается? Поэтому я решила, что моя книжка нужна как учебная, учиться переводить тексты стихотворений!

Я уже говорила, что безумно люблю поэзию. Вот читаю я лекции о китайской поэзии по библиотекам, в Эрмитаже, в деревне – где только не читаю. И вижу, что и Петербург её тоже обожает, и пожилой, и молодой! И даже маленькие дети! С семи лет они очень внимательно, так внимательно слушают:

«У самой моей постели / Легла от луны дорожка / А может быть, это иней / Я сам хорошо не знаю / Я голову поднимаю / Смотрю на луну в окошко / Я голову опускаю, и родину вспоминаю...»

ВГ: Это вы процитировали стихотворение «Думы тихой ночью» (727 г., осень) в переводе Гитовича!

ТТ: Да! Гитович удлинил строку, разбил её на две.

ВГ: Оказывается, есть ещё замечательный перевод *Сергея Аркадьевича Торопцева*⁸³. Он хоть и отличается от перевода Гитовича, но ничем не хуже. И даже, может быть, лучше в чём-то. Вот перевод Сергея Аркадьевича:

83 *Торопцев Сергей Аркадьевич* (1940 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Специалист по средневековой и современной кит. культуре, переводчик классической поэзии. Окончил ИВЯ при МГУ (1963). Стажёр Пекинского ун-та (1962–1963). Сотрудник ИДВ РАН (1967–

«Пятно луны светло легло у ложа – / Иль это иней осени, быть может? / Взгляну наверх — там ясная луна, / А вниз – и мнится край, где юность прожил».

ТТ: Да? А Саша мой Гольштейн сделал третий перевод. Но там была неточность. Я с ним даже на какое-то время в конфликт вошла, на три года. Он говорит: речь идёт о профессионализме. Он о переводах Штукина говорил. И не хочет учитывать, в каких условиях переводили те люди. Но я с Сашей спорить не стала, просто ушла из фэйсбука, и всё. Мы же не ругались, ничего, но позиция у каждого своя. А потом, через три года, я увидела Сашу во сне! Приснилось, что я иду от БАНа по Менделеевской линии, там всегда пусто после шести часов, а навстречу идёт человек, уже немолодой. Я думаю: «Это же Саша!» И мы идём медленно-медленно. Я – из-за того, что быстро идти не могу, и Саша уже такой... Какой-то на нём старый-престарый плащ... А когда подошли друг к другу, я положила головку на плечо, и тоже ничего мы не сказали. Я прихожу домой... Вернее, я проснулась – и сразу же к компьютеру! Открываю фэйсбук – оказывается, Саша уже на третий день после той нашей размолвки принципиальной, профессиональной, написал мне письмо: «Пришлите ваш домашний адрес! Я вышлю Вам мою очередную книгу!» Я думаю: «Господи, а я три года не заглядывала в фэйсбук!» И пишу ему об этом письмо: «Саша, я сегодня видела вас во сне!» Ответ такой был: «Я развёлся». Так что Саша, наверное, простил меня тогда, мою позицию, потому что уже на третий день написал письмо. А я три года молчала, до этого сна!

ВГ: Бывает. Как вы считаете, какие качества нужны молодым людям для того, чтобы стать хорошим профессионалом – востоковедом или китаеведом?

ТТ: Мне повезло. Я уже один раз сказала, что мои ученики не расстаются с китайским языком, даже если не работают с ним. Там есть чем увлечься, конечно. И маленькие, и взрослые обращались к китайскому языку. Например, Добрецова Ирина Григорьевна океанологической минералогией занимается. Пришла однажды на мою лекцию с капитаном Арктики и Антарктики Родченко Валентином Филипповичем. Лекция состоялась в библиотеке Маяковского, и вот с тех пор началось. Я думаю: «Господи, уж если капитану нужны китайские стихи, значит, это многого стоит!» Когда я читала присланные вами интервью, я подумала, что у меня несколько другое направление. Те, кто меня слушает, любят китайцев, любят народ и не думают о политике. Я считаю, что в отношениях между государствами должен преобладать язык дипломатии. Моя задача – дарить радость людям,

знакомить их с китайской поэзией. Например, был такой случай: 7 марта я заканчивала работу в Эрмитаже, там уже стол длинный-длинный был накрыт

по случаю завтрашнего праздника! Салаты и всякие угощения принесли сотрудники. И все галдят, говорят, пьют, едят! А я думаю: «Я же ничего не принесла!» Я же не знала, просто пришла на работу и не знала, что меня не отпустят. И тогда я начала читать им китайские стихи, классику. А в ответ – молчание, тишина. И не относительная, а абсолютная тишина! Так все слушали – и пожилые, и молодые, и 70-летние, и 18-летние! Светлеют лица! Вот что делает поэзия!

Наверное, всегда были и плохие, и хорошие стихи, но время отобрало и оставило только самое хорошее! Я прочла где-то, что сейчас в интернете Китая ежедневно (ежедневно!) появляется две тысячи стихов! Из них, наверное, найдутся и хорошие. Так вот, у меня позиция такая – поддерживать эту общенародную любовь к другому народу! Поэтому я не заикливаюсь, не останавливаюсь на моментах, которые вызывают негативное впечатление. Сейчас китайцы совсем не такие, как те, кто был среди моих друзей. Мне, например, один китаец за три года работы не заплатил! А работа была тяжёлая – я переводила ему юридические документы и так далее. А второй китаец из Сиани мне за два года не заплатил!

ВГ: Это же ужас!

ТТ: Да! Меня спрашивают: «Он заплатил?» Я говорю: «Нет». – «Но как же так?! Вам же нужно кормить детей!» Я говорю: «Ну, а что я буду делать? Не заплатил, и всё!» Но я получила большее, я приобрела опыт. Как бы то ни было, я сама отбираю материал по культуре и искусству Китая, с помощью которого общаюсь с Петербургом. Он делает светлее, теплее сердца моих соотечественников. Я и книгу свою так назвала – «В сердце моём осени свет» (*Во синь чжун цю гуан*). Я обожаю стихи, и когда некому читать, я их сама себе читаю, пусть и не вслух. Настолько они хороши, настолько они мудрые и простые!

ВГ: Вы всё рассказываете про «пищу духовную». А как вы относитесь к китайской кухне?

ТТ: Как я её обожаю! Но мне не разрешают сейчас врачи... Горькое, солёное обожаю! Когда я работала экскурсоводом, все удивлялись, почему я отказываюсь работать с большими группами, а предпочитаю маленькую группу из 3-5 человек. Меня смущало огромное количество туристов. Мне было интересно общаться с представителями культуры и искусства:

дирижеры, актёры, режиссёры. Меня нередко приглашал и *Яхонтов Костя*⁸⁴ сопровождать интересных гостей города. Мне приходилось сопровождать и японских туристов. Они, кстати, очень внимательно слушают экскурсовода. Кстати сказать, я побывала на всех японских фестивалях, начиная с 2003 года. Они показали всё самое лучшее, что имеют у себя!

ВГ: Вы имеете в виду фестивали в Петербурге?

ТТ: Да. Вообще – это необыкновенное явление! Сейчас Петербург показывает уже другие программы по культуре Японии во время фестивалей. Жители нашего города бесконечно благодарны организаторам фестивалей. Самое лучшее, что создано японским народом, петербуржцы смогли увидеть собственными глазами.

ВГ: В Японии вам не доводилось бывать?

ТТ: Так вот опять же, подводит меня мой характер! По просьбе японской стороны, я пригласила профессора храмового танца – удивительную женщину. Она приехала с тремя своими девочками-ученицами и мамой одной из них. Я их сопровождала в поездках во Псков, Печоры, где они давали театрализованные представления. Полгода шла подготовка к этому визиту, общались по телефону. Я им говорю: «Вы же разоритесь!» А они: «Нет, нам хватит зарплаты на телефонные разговоры!» Во время визита в Санкт-Петербург они показывали своё мастерство по храмовым танцам, а когда уехали, папа одной девочки прислал мне приглашение посетить Японию на две недели. Но я же меряю по своей зарплате. Думаю: «Ну как же меня две недели принимать! Да ещё и самолёт туда и обратно!» И я нашла предлог – сообщила, что я заболела. А один мой ученик, Миша Родионов, который уже лет тринадцать в Японии, говорит: «Вы плохо сделали! Если он

пригласил, то он рассчитал, что он может Вас принять». Наверное, они пригласили меня в знак благодарности. В Японии у меня есть мой друг Синья Кори. Когда была презентация моей книги, этот японский профессор прочитал её от первой до последней страницы и прислал два отзыва! Первый отзыв касался только обложки. Тот бамбук, который на обложке книги у меня, я искала долго в интернете, начиная с XII века, и нашла его среди картин начала XVIII века. Этот бамбук – мой портрет! Кстати, в эпоху монгольского правления в Китае был такой поэт Ни Цзань, который

84 *Яхонтов Константин Сергеевич* (1966 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1999), переводчик, бизнесмен. Сын С.Е. Яхонтова. Окончил востфак ЛГУ (1989). Учредитель «Лаборатории изучения китайского туризма» (2017) и нескольких турфирм.

утверждал: «Веточкой бамбука я могу рассказать всё, что на душе у человека!» И я нашла такой бамбук, который выражает моё волнение, тревогу. Но искала долго, очень долго искала этот бамбук по интернету.

ВГ: Время нашей встречи заканчивается, но мы ещё продолжим общение, просто в другом формате. Это интервью мы начали со слов о нашем проекте. Что вы думаете о значении проекта «Российское китаеведение – устная история»?

ТТ: Думаю, это нечто бесценное, особенно сейчас, когда многих уже нет. Время берёт своё. Уходим. И оставить эту живую страничку – здорово! Правда, не знаю, у нас остаётся только письменный текст?

ВГ: У нас останется всё: и видео, и аудио, и расшифрованный текст!

ТТ: Мне кажется, это действительно просто бесценно, идея просто великолепная. Я читаю ваши интервью и так переживаю, что не видела того, не видела другого! Мне просто хочется увидеть лицо каждого человека – и друга, и недруга – всех! А особенно хочется увидеть тот трудный и благородный путь, который прошло российское китаеведение. Поистине столь титанический труд был проделан нашими предшественниками, столь благородный путь пройден ими. Они в полной мере заслуживают памяти потомков. Может быть, я ошибаюсь, если скажу, что в наше время таких переводчиков, как Штукин, Щуцкий, Басманов стало значительно меньше. Вот, например, М.И. Басманов – у него замечательные переводы. Казалось бы, он мог таить обиду за поломанную судьбу своей семьи. Трудолюбивую семью Басмановых раскулачили, сослали в Сибирь. Михаил Басманов прошёл путь Великой Отечественной войны от начала до конца. После окончания войны его направили на дипломатическую службу в Китай. Но при огромной загруженности он находил время заниматься и древним китайским, чтобы переводить китайскую классическую поэзию! Разве можно не восхищаться этим?!

ВГ: Как вы оцениваете проблемы и перспективы российского китаеведения?

ТТ: Сейчас меня очень тревожит состояние изучения классики в высших учебных заведениях страны, акцент ставится на современную литературу. Студенты не знают имена тех, кто трудился в области китаеведения. Поэтому свою статью «Странички изучения китайского языка» я как раз специально для студентов сделала. Этой статьёй, между прочим, интересуются не только студенты, но и старшее поколение. Пусть имена ушедших и ныне здравствующих китаеведов помогут молодому поколению выбрать свою дорогу жизни! Я вам очень благодарна за этот проект, который вы ведёте, что такой труд взяли на себя! Очень благодарна! Как долго ещё будет длиться эта ваша работа?

ВГ: Думаю, пока есть китаеведение и есть китаеведы в России, этот проект можно продолжать. Мы, в свою очередь, восхищаемся вашим профессиональным вкладом, бескорыстием и любовью. Благодаря таким старшим друзьям, коллегам и учителям, благодаря вам, китаеведение было, есть и будет.

ТТ: Вы преувеличиваете...

ВГ: Не преувеличиваю, потому что 40 лет назад и сам сдавал вам зачёты по китайской литературе, поэтому точно знаю, чем обязаны все ваши многочисленные ученики. Жаль только, что некоторые коллеги, в том числе и китайские, злоупотребляют вашей добротой и забывают о благодарности, о том, что за делом должно следовать соразмерное воздаяние!

ТТ: Конечно, нередко бывали обиды, обманы. Но это состояние обиды очень быстро проходило. Буквально через пару дней Боженка посылал мне встречи с удивительными людьми, которых я воспринимала как награду. Они меня так поддерживают! А вы говорите, что я что-то сделала...

ВГ: Давайте будем воспринимать ваши слова как мудрое напутствие! Нужно жить и действовать так, как сам считаешь должным, а воздаяние последует необратимо. Желательно – в самом лучшем смысле этого слова.

ТТ: Спасибо вам большое!

ВГ: Большое спасибо, Тамара Хинчевна!